

666-13-13
Макс

Елена
Дженкинз

КОНТРАКТ СТЕРВЫ

18+

Елена Дженкинз

Контракт стервы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дженкинз Е.

Контракт стервы / Е. Дженкинз — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Можно ли испепелить врага и не обжечься? Где грань между сильной женщиной и стервой? И сколько скелетов в шкафах у двух враждующих семей? Скоро я это выясню. Ведь я подписала "контракт стервы" в надежде победить своего конкурента за наследство, бабника Максима Езерского. Осторожно! История пронизана жестким юмором. Дизайн и редакция 2020 года.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

– Фрэнки, Фрэнки... Франсуаза. Ты снова подвела саму себя.

– Да.

– Стыдно?

– Знаете, Иосиф Иларионович, у меня голова до сих пор болит, поэтому даже стыда нет. – Я поморщилась и поудобнее улеглась в терапевтическом гамаке, подвешенном в кабинете семейного психолога. Иосиф Столетов – так звали этого тирана... то есть, титана мысли. Ему исполнилось восемьдесят три года, и он лечил мозги еще моему отцу, когда тот был склонным к паранойе мальчиком.

Иосифа, которого мы с младшим братом ласково прозвали «Сталин», я боялась. В-первых, отец так и остался параноиком, а к этому добавилось человеконенавистничество. Во-вторых, Иосиф часто использовал неодобренные наукой методы, он их сам изобретал. Любил поиздеваться над людьми. Назвать меня Франсуазой была его идея. Франсуаза Константиновна Уварова, для друзей – Фрэнки. Кто запомнит полное имя с первого раза – тому конфетка.

Кстати, именно Иосиф крестил меня и моего брата. Настоящий спрут, а не человек. Он был для папы вроде оракула, как Распутин.

К психологу родители не отправляли меня вот уже полгода, но я снова вляпалась по самое не хочу, когда с просьбой обратился мой преподаватель, глава Фонда помощи писателям, потерявшим вдохновение. Он попросил организовать литературный вечер на папиной яхте – и депрессивные писатели едва не потопили ее, как «Титаник», устроив дебош и избив капитана. Ошалев и потеряв бдительность, тот случайно направил яхту прямо в грузовую баржу, накануне севшую на мель под Строгинским мостом.

Отец запрещал приглашать на яхту гостей из благотворительных фондов, но... я не умела говорить «нет» людям, которые обращались за помощью. Я считала это своим достоинством, однако родители и Сталин уверены, что моя доброта – это обычный комплекс вины перед миром за семейное богатство. По их мнению, я была «проклята избыточной добротой и бесхребетностью». Это, кстати, официальная выдержка из диагноза, поставленного Иосифом.

У отца, страдавшего приступами неконтролируемой агрессии, диагноз звучал иначе. «Настоящий мужчина» – так описал его Столетов. Он тридцать лет работал над книгой, которую до сих пор не закончил, и любил зачитывать отрывки во время сеансов.

«Настоящий мужчина должен вызывать трепет и ужас. Уважение – это ерунда, недоразвитый страх, и руководителю оно не нужно. Уважения требуют только слабаки, неспособные контролировать эмоции других людей, не умеющие нажимать в мозгах подчиненных «волшебные кнопки» и парализовать страхом, как ядом...»

Термин «волшебные кнопки» навеки пополнил мой словарный запас.

Яхту на выходных я предоставила своему преподавателю исключительно потому, что отца не было в городе и он не сумел вовремя поставить меня на место. Говорить «нет» просителям я не умела из-за «бесхребетности», но с отцом дела обстояли куда хуже. Ему я боялась противостоять, до зубной боли, до мурашек и обморока.

Папу мы с братом нежно называли Сатаной. Он был моим кукловодом и знал все мои слабые места – те самые «волшебные кнопки», на которые любил нажимать, блокируя сознание.

Отец часто так и обращался ко мне: моя марионетка.

Но при этом он повторял, что я не безнадежна: у меня были кое-какой ум, красота и умение легко втереться в доверие. Так что я оставалась единственной претенденткой на семейный «трон».

И вот... яхта едва не пала смертью храбрых прямо на Москве-реке. После грандиозного скандала, который устроил папа, меня и направили к психологу.

Утро понедельника клонилось к обеду, а я лежала в гамаке и ждала нотаций от Иосифа. Профессиональный психолог не стал бы говорить клиенту гадости, но Сталин любил высказаться.

– Фрэнки, ты ужасный человек. Идиотка и тряпка. Как ты можешь просыпаться по утрам и смотреться в зеркало без тошноты? Я ведь собирался на следующих выходных устроить на яхте юбилей для матери, а теперь придется менять планы. Ты хоть представляешь, во сколько твоему отцу влетит ремонт?!

У Иосифа все еще была жива мать, которая имела непомерную власть над ним. Вдвоем они жили в «домике Столевых» в нашем поместье. Как в былые времена меценаты селили в своих имениях художников и архитекторов, так отец обустроил их.

Завтра, первого декабря, госпоже Столетовой исполнится сто лет.

– Моя мать в твоём возрасте шла и голыми руками заваливала медведя, чтобы прокормить нас! Она в одиночку построила дом!... Нет... Нет. Прости, Фрэнки, но ты даже не человек. Ты бесполезный мешок ДНК.

– Знаю, Иосиф Иларионович.

Спорить со ним было себе дороже. Он начинал злиться и швыряться шахматными фигурами. Доска всегда возвышалась перед ним на столе, и он играл сам с собой.

Мать у Иосифа и правда была женщина-гром. Именно потому, что она родилась настолько прекрасной и сильной, ее сын никогда не женился: мать стала его идеалом, все остальные – мешки ДНК.

– В общем, так. Мы поговорили с твоим отцом и составили контракт. Если ты его не выполнишь, то Костя подарит ваш бизнес этим идиотам из «Дола». Он уже составил и заверил акт передачи.

– В каком смысле?! – Я даже с гамака поднялась.

«Дол» – российская компания, которая занималась производством меховых шуб и других изделий из натуральных материалов. Они не раз попадали в скандалы в связи с использованием шкур редких и вымирающих видов животных. «Дол» был нашим главным врагом. Что-то вроде кровной ненависти, которая тянулась несколько поколений.

А я была экологическим активистом, волонтером «Гринпис», послом доброй воли «Юнеско». Я возглавляла благотворительный фонд отца и мечтала в будущем встать у руля «Константы», нашей корпорации, которая была одним из передовых, экологически безопасных производителей одежды и техники в России.

Я ненавидела меховые шубы и циников из компании «Дол», а особенно их президента Максима Езерского – Егеря, неприязнь к которому впитала с молоком матери. Меня дрессировали, как собаку Павлова, чтобы при виде него я теряла контроль и даже доброту. Чтобы, услышав отцовское «ату!», бросалась и загрызала.

Надо сказать, метод действенный: Егерь был единственным человеком в мире, к которому у меня не было ни капли сострадания.

И ему достанется «Константа»? Это розыгрыш?!

– Сядь! Или приляг. Но не стой, как виселица на Голгофе! – Сталин нахмурил густые, причесанные брови. – Отец заблокировал твои банковские карты на декабрь, пока будет длиться контракт. Сможешь расплачиваться только наличкой в органическом... в ограниченном количестве. А то знаю я тебя. Снова на благотворительность разбазаришь! В общем, подпиши.

Он достал распечатанный контракт в двести восемь страниц. Шрифт мелкий.

– Что ты там пытаешься вычитать?! Подпиши, тебе сказано.

– Иосиф Иларионович, вы мне ручку не дали.

Пока он искал письменные принадлежности, я пробежалась глазами по тексту.

«Клиент обязуется вести себя, как последняя сволочь... Отказывать всем, кто обратится за помощью, в грубой форме...»

– Это шутка?!

Столетов зло, с размахом швырнул в меня серебристой ручкой и прокричал:

– Это контракт стервы. Твоя мать когда-то его выполнила и в итоге вышла замуж за твоего отца.

– Мама?! – у меня глаза на лоб полезли. – Но она же самая настоящая...

– ...стерва. Да. Этот контракт – мое изобретение. Твоя мать была одной из первых, кто его опробовал. Впрочем, Зоя перешла черту, наломала дров и осталась стервой навсегда.

– Я не стану подписывать.

– Тогда останешься у разбитого корыта. Но это только первый пункт наказания за неисполнение. Почитай страницу сто восемьдесят один.

Столетов был очень доволен собой. Его маленькие бледные глазки злорадно блестели под седыми бровями.

Я открыла нужную страницу и прочла. Потом перечитала.

– Иосиф Иларионович, вас в тюрьму засадить нужно за жестокое обращение с психически ранимыми людьми.

– Ты не ранимая, Фрэнки. Ты – человеческий шлак. С вами по-иному нельзя, ибо не доходит.

В списке наказаний, помимо передачи управления корпорацией проклятому «Долу», значился пункт:

«...клиент, Франсуаза Константиновна Уварова, будет исключена из университета и направлена на обучение в Военно-морской флот РФ».

Держите меня семеро! Совсем с ума сошли – что Иосиф, что папа, что мама! Дело в том, что я была не только экологическим активистом, но и заядлым пацифистом. Я с четырнадцати лет работала на папину корпорацию, а последние два года, которые возглавляла благотворительный фонд, вела крупный проект совместно с миротворческой миссией.

– Мы ведь взрослые люди! Что это за методы?! – Я осеклась и обессиленно покачала головой: – Отец меня ненавидит.

– Не он один. Поэтому подпиши и разойдемся наконец.

– Могу я хотя бы прочитать контракт?

Иосиф поправил галстук-бабочку и переставил пешку на доске.

– Гос-с-поди, как вы все мне дороги. Унылая серая масса... Ну хорошо, почитай. Я пока делом займусь. Полезным на этот раз.

Он погрузился в раздумья по поводу судьбы пешки, а я углубилась в чтение, пробегая текст по диагонали, чтобы уловить общий смысл.

Через полчаса у меня горели щеки, а слов не находилось, чтобы выразить возмущение.

В контракте подробно описывались права и обязанности. Я должна была грубить тем, кто просит помощи, а именно – и дальше следовал список всех людей и организаций, кто заручился моей поддержкой. Кроме того, я обязалась хамить в общественных местах, ругаться с родственниками и друзьями (список имен прилагался).

Каждый день целого месяца был расписан, чтобы не расслаблялась. Иногда мелькала фамилия «Езерский», но вчитываться не было времени.

Более того (и этот пункт явно включила мама), к концу контракта я должна была лишиться невинности. Но кандидатом не мог быть мужчина из списка – и далее перечислялось двести пятьдесят имен; папины враги, все как один. У параноиков за каждым углом по недругу.

Первым в списке, естественно, значился Максим Езерский. Еще бы! Отец не пережил бы, стань я «подстилкой» Егеря. Да я и сама скорее удавилась бы, чем пошла на такое...

Контракт стервы прожигал мои ладони ядом. Вот она, родительская забота во всей красе. Плакать хотелось от «умиления». А главное, я не имела права разглашать причину своего хамского поведения, то есть упоминать о контракте.

В ночь с тридцать первого декабря на первое января планировалось подведение итогов, и меня по всем пунктам намеревались проверить на детекторе лжи, к которому Иосиф прибегал часто и с удовольствием.

Если я справлюсь, отец официально объявит меня своей наследницей. Нет – управление семейной корпорацией перейдет к Максиму Езерскому, а отец уйдет на покой.

Честно говоря, заставить меня подписать подобный контракт мог только отец при личной встрече. Сбеги я из дома прямо сейчас – спаслась бы... Но бросить на произвол судьбы компанию, которой посвятила годы, в которой мечтала работать до конца жизни и передать своим детям? Нет, я была не настолько безответственна. И не настолько бесхребетна. К тому же я, по сути, была матерью своему младшему брату и не имела права подвести заодно и его, перечеркнув его мечты. Если бы я сбежала, он ушел бы следом за мной. Он не терпел, когда меня обижали и был жутко принципиальным, даже радикальным. Если у меня характера не было, то у брата его имелось в избытке, пеной через край.

...Я сидела и не могла поверить, что папа готов был отдать семейное дело врагам, но не детям.

– Мне же только восемнадцать, а вы толкаете меня на... это? – мой голос охрип, плечи поникли.

– Ты сама себя толкнула, когда родилась умственно отсталой. Все. Время сеанса вышло. Либо подпиши, либо убирайся. У меня перерыв.

Я проглотила клокочущий ком возмущения и медленно, обреченно поднялась.

– Сначала я поговорю с отцом. У меня появились вопросы.

– Фрэнки, милая, ты – ошибка Природы. Но я – ее венец. Так что иди, задавай свои глупые вопросы. Завтра утром начинается срок контракта. До тех пор можешь делать что хочешь, хоть с моста прыгай.

– Спасибо, Иосиф Иларионович. Вы умеете поддержать.

– Это моя работа. Свободна.

Я взяла контракт и тихо вышла из кабинета. Домик Столетовых был двухэтажный, уютный. Мать Иосифа обитала на втором этаже. Обычно она при содействии сиделки «зависала» на форумах и ругалась в комментариях со всеми, кто ее раздражал. Слава интернету! Ведь раньше эта вулканическая женщина выплескивала замашки властелина мира на окружающих.

Наше поместье располагалось в Подмосковье и было гордостью семьи Уваровых уже в третьем поколении. Здесь держали конюшню с породистыми скакунами, за которыми я любила ухаживать; на участке располагались лаборатории, пекарня и, конечно же, «большой дом» – усадьба в три этажа, огромная и светлая, очень похожая на семейное гнездо Скарлетт О’Хары из «Унесенных ветром». Родители даже называли поместье так же: Тара.

Для меня поместье было частью души. Если бы отец шантажировал не «Константой», а Тарой, то контракт стервы был бы уже подписан.

Первым делом я промаршировала в домашний салон красоты, который для себя обустроила мама. Там ей сейчас делали педикюр. На лице Зои Уваровой сияла белая маска. И колечки огурца на глазах.

– Ты помогала составить этот в-возмутительный, в-вымогательский документ?! – напала я на мать с порога.

– Не повышай голос, собьешь ауру.

– Мама! Кто еще, кроме тебя, мог додуматься включить жестокий пункт о невинности?! Ты что, не понимаешь, какая беда нам всем грозит?! Отец передаст компанию этим... живодерам! Ты же знаешь, он так и поступит, нам на зло.

– Честно? Лучше они. Ты компанию раздаришь за день.

– Клевета! – Я плюхнулась в плетеное кресло с высокой полукруглой спинкой, еле сдерживая обиду.

– К тебе понабегут владельцы фондов и выпотрошат! Ты отдашь даже кирпичи, из которых сделан этот дом. Нет, солнышко... прости, но отец прав. Хватит. Ты должна наконец стать ответственной.

– В смысле, бесчувственной?

– Причем здесь чувства?! – Мать освободила один глаз от огурца и уставилась на меня, как курица. – Ты должна научиться говорить «нет». В конце концов, ты не Господь Бог, чтобы всем помогать.

– Я это прекрасно понимаю, мам... Но... ты хоть представляешь, сколько детей умирает от голода в мире? Сколько шкур сдирает в год проклятый «Дол»?!

– Так ведь дело *не только* в этом, милая, и ты это знаешь. Когда к тебе приходит мошенник, ты даешь ему грант от имени корпорации, а этот мошенник покупает себе квартиру или автомобиль, а не детей твоих голодающих кормит. А потом как твоему отцу снизить себе налоги по статье благотворительности? Мошенники ведь липовые декларации предоставляют!

– За два года я только одному мошеннику грант выдала! Мне его теперь до конца жизни будут вспоминать?!

– Был один, будут и другие.

Я фыркнула. Что есть, то есть. Я действительно выдала грант на пятьдесят тысяч долларов обманщику. Но это ведь такой маленький процент погрешности, учитывая, что 90% запросов исходило все-таки от порядочных людей!

Ну, хорошо. Из оставшихся 90% еще 40% проектов были провальными, ведь многие фонды оказывались ненадежными или просто-напросто непрофессиональными. То есть 50% грантов уходило в трубу... Но благотворительность – это ведь инвестирование. В лучшее завтра. А в инвестициях риски есть всегда... Да? Да?!

Эх. Знаю: звучит как отмазка. Правда в том, что я просто не могла заставить себя открыть рот и сказать «нет».

– Не преувеличивай, мам. Я обычный человек с небольшими отклонениями. Но да, мне кажется, что если откажу, то мир рухнет, звезды померкнут, мировой океан заледенеет – а я просто-напросто умру от собственной черствости. Ведь я сделаю людям больно. Вот представь: ко мне за финансированием обращается фонд помощи бездомным, а я их выставлю вон. Немыслимо!

Мама тактично промолчала, только горло прочистила, выказывая презрение. «Ты бы лучше к мужчинам с таким пониманием относилась», – говорил ее «одноглазый» взгляд.

Меня часто подкалывали, мол, а я и в сексе такая сговорчивая, как в сфере благотворительности? Нет. Здесь у меня сформировался противоположный «пунктик»: всем говорить «нет». Но это во мне активировался отчаявшийся от бесхарактерности инстинкт самосохранения. Если бы я говорила «да» каждому парню, который пытался лезть ко мне под юбку, то давно прописалась бы на панели. Мама не раз упрекала меня за это беспричинное целомудрие, уверяя, что я умру старой девой, но «пунктик» уверенно держался в мировосприятии.

Мама тяжело вздохнула.

– Когда-то я была такой же тряпкой, как и ты, и сидела бы в болоте до конца дней. Контракт стервы изменил всё! Короче, решай сама. Но если откажешься, то значит, ты слабая, безвольная, потерянная для семьи девственная самка.

– Спасибо за ценный совет, мамочка. – Я медленно поднялась, глядя, как та возвращает огурец на прищуренный глаз.

Если и отец скажет что-то в этом духе, то это финиш. Допустим, я не подходила на роль наследницы, но ведь у меня был еще младший брат Роберт! Да, он мечтал стать музыкантом и плевал на бизнес, но ведь в будущем мог передумать. В общем, ситуация складывалась абсурдная. Ладно бы я людей ела! Так я им всего лишь помогала!

Предстояло убедить отца, чтобы изменил содержание контракта, который казался глупой шуткой. Пускай бы хоть пункт о невинности убрал, и то радость! Не мог нормальный человек поставить другому настолько возмутительные условия.

Но отец был параноиком, и этим все сказано.

Да-да, семейка Уваровых казалась красивой картинкой из журналов, но стоило копнуть глубже, и выходила картина маслом. Легко воспламеняемым, машинным.

Глава 2

Ноябрь выдался очень холодным, а последний его день был как никогда серо-унылым. Надев потертую куртку из искусственной кожи с нашивками и эмблемой байкерского клуба «Вонг», я водрузила на голову шлем и умчалась в «Константу». Новый мотоцикл Ducati, стилизованный под винтажную модель 1979 года, я купила себе всего четыре месяца назад, но уже прикипела к нему душой.

На байках я гоняла с шестнадцати лет, а два последних сезона даже участвовала в гонках. Отец никогда не запрещал заниматься экстремальными видами спорта, наоборот, одобрял.

– Экстремальный спорт отсеивает слабаков. Если ты слабачка, то и тебя отсеет. Это даже хорошо, планете легче будет, – мудро объяснил он.

В прошлом году меня приняли в байкерский клуб «Вонг», и глава клуба по прозвищу Сайгон иногда по-дружески помогал доставить моего брата Роберта домой с какого-нибудь стремного гаражного концерта. В свою очередь, я стала одним из спонсоров клуба и взяла на себя производство фирменной продукции.

Мотоциклу я выбрала очень подходящее имя: Афелий. На нем я добиралась на работу и на учебу в МГИМО, на факультет прикладной экономики и коммерции. Я изучала международные экономико-экологические процессы и собиралась стать экологом, чтобы превратить «Константу» в международный технологический рай, который станет производить, не разрушая природу. Я училась на первом курсе, приближалась моя первая в жизни, зимняя, сессия. Но сейчас это показалось мелочью: какая сессия! Семья может лишиться «Константы»!

Мой прапрадед, Константин, назвал компанию в честь себя. На эмблеме была изображена лемниската – символ бесконечности, он пересекал поперек латинскую букву U, намекая и на Уваровых, и на счастливую подкову. Отец часто повторял, что это не случайность и он действительно родился в рубашке. Мол, удачливость – наша семейная черта.

В общем, пафоса много, но психи не дремлют, в частности, отец. Его трудами «Константа» уплывала к этому козлу-живодеру Максиму Езерскому.

Только через мой труп.

Мне стало до жути обидно, и я гнала наперекор ветру, благо слякоть на дорогах разъездили за день.

Огромная эмблема компании сияла неоном на вершине небоскреба, и я заметила ее издали, как всегда.

Поскольку отец – личность специфическая, то и небоскреб был обнесен бетонной стеной, а проезд охранялся. По утрам образовывались страшные пробки, но «Константа» хорошо платила сотрудникам, и те закрывали глаза на неудобства.

Сейчас наступило обеденное время понедельника. Обычно люди предпочитали питаться внутри здания или заказывать доставку еды, чтобы не мучиться с движением, и я удивилась, заметив у ворот змейку из автомобилей, которые не могли проехать в «Константу».

Я обогнула их и притормозила рядом с охранником.

– Привет, Глеб, а что тут происходит?

– Франциска Константиновна! Объясните хоть вы человеку, что он здесь персона нон-граната!

Многие не могли запомнить мое имя и называли то Франциска, то Февронья. Были и те, кто гордо именовал меня Францией.

Персона нон грата? Кто ж там такой?

Я припарковала мотоцикл у будки охранника, сняла черный шлем, оставив его болтаться на ручке руля, и прошла к автомобилю, который блокировал проезд. Постучала в стекло двери

со стороны водителя и, когда оно опустилось, оперлась локтями на нижнюю грань, чтобы попросить человека съехать в сторону. Но слова застряли в горле.

– Фрэнки, солнце, соскучилась по мне? – Наглый голос принадлежал Максиму Езерскому, главе «Дола». Мужчина ехидно улыбался, разглядывая меня с интересом заядлого коллекционера. – Меня не пропускают. Видимо, спутали с опасным преступником.

Максим был потребителем, охотником с черной душой.

Я сжалась внутри и посмотрела надменно, хотя хотелось зажмуриться и представить себя далеко отсюда.

– Добрый день, господин Езерский. Вы один, без охраны... Как беспечно.

– Беспокоишься за меня, солнце? Это знание согрело бы мою живодерскую душу, если бы не факт, что раньше вы обходились только промышленным шпионажем, а теперь опустились до ложных доносов, рейдеры проклятые!!!

Буквально выплюнув жесткие слова, Егерь резко открыл дверь серебристого «мерседеса», и меня едва не отбросило в сторону. Езерский сжал мои предплечья и силой втолкнул в салон. Я упала на водительское кресло из черной кожи и, обернувшись, увидела, что охранник на всякий случай достал табельное оружие.

– Все в порядке, Глеб! Пропусти посетителя. Я с ним поеду, – закричала я, подумав, что обвинения в шпионаже и рейдерстве не для ушей сотрудников, которые, возмущенные, прислушивались к разговору.

Езерский был в ярости. Последний раз мы сталкивались, когда я легла на дороге вместе с другими протестующими, не пропуская фуру с товаром «Дола». Нас снимало ТВ, и отец потом долго хохотал, довольный ростом рейтинга «Константы»... Но даже тогда враг не был таким злым, как сейчас.

Егерем называли Максима не зря. Охотник он и есть. Пришел на чужую территорию и набрасывается на людей.

Я перебралась на пассажирское сиденье, обомлевшая от необходимости оставаться с этим человеком наедине, и пристегнула ремень. Нам еще не случалось находиться настолько близко, когда можно рассмотреть врага в мельчайших деталях, и я внимательно разглядывала его, пока мы ехали.

Он был смазливый, этот Езерский, но не в моем вкусе: слишком много самомнения, слишком мало достоинства. Типичный бабник.

Он был в теннисной форме сейчас, наверное, с тренировки сорвался.

Взгляд мужчины источал ненависть. Казалось, дай волю, то и с меня шкуру содрал бы и сделал коврик. У меня глаза были насыщенного синего цвета, в вот у Езерского – серые, и отражали те цвета, что царили у него в душе. В общем, мрачная гамма бездушной личности. Его короткие темно-русые волосы отливали свинцовым оттенком; верхние пряди и челка достаточно отросли, чтобы торчать в разные стороны. От этого Егерь казался моложе, хотя ему и так еще тридцати не было.

– Не прожги меня лазерными линзами, лицемерная ты мать Тереза. Все вы тут – куча лицемерных торгашей! – процедил он, въезжая на аллею, которая вела к подземной парковке.

– У меня не линзы, это природный цвет.

– Да ладно, у вашей семейки все искусственное. И эмоции, и товары, и глаза. – Он с таким осуждением посмотрел на меня, что я даже захотела оправдаться, но вовремя вспомнила, кто передо мной.

Максим заглушил двигатель и выбрался из машины. Неожиданно вспомнив о вежливости, он обогнул «мерседес» и открыл для меня дверь.

– Отец вышвырнет вас отсюда, вы ведь знаете. Зачем приезжать лично? Отправили бы адвоката, – сухо сказала я.

– Мне нужно выплеснуть агрессию, а передавать ее через адвоката не гуманно.

Я поправила эластичный пояс джинсов, одернула топ под курткой и усмехнулась:
– Идемте, гуманный вы наш.

Мы молча вошли в лифт, и я нажала кнопку с цифрой «двадцать». Было неуютно в обществе непрошеного гостя, который поленился даже пальто надеть в конце ноября. Впрочем, хладнокровным верхняя одежда ни к чему.

Егерь пристально смотрел на меня, и я чувствовала тяжелый взгляд всей своей напуганной душой. Ну зачем я егопустила?! Пусть бы лучше случился скандал, чем *вот это*.

Я ненавидела скандалы и всегда пыталась уладить дело миром. Но сейчас, нервно покусывая губы, винила себя за чрезмерную податливость. Отец наорет на меня, снова обзовет «тряпкой». Но разве могла я спокойно проехать мимо «пробки» у ворот, будто ничего не случилось?!

«Можно было вызвать полицию», – подсказала логика.

Ой... ну какая полиция? Не настолько важный повод. Пускай отец сам решает вопросы со своими врагами.

...А Езерский продолжал изучать меня, даже не пытаясь проявлять уважение.

Какой назойливый, наглый взгляд...

Вдруг мужчина крепко сжал мое плечо и развернул к себе. Я растерялась, а тот высокомерно обхватил мой подбородок на удивление теплыми пальцами и заглянул мне в глаза. В его жестах было столько небрежности, словно рабыню выбирал на средневековой площади.

– Хм, – заключил он, нахмурившись, но руку так и не убрал. – Не соврала.

...Двери лифта раскрылись, а сотрудники, которые работали в отгороженных ячейках офисного «лабиринта», разом смолкли. Еще бы! До сих пор я не давала повода для сплетен – и вдруг воркую в лифте... да с кем!

Я в ужасе хлопнула ладонью по руке Езерского и прошипела:

– Как вы смеете! – У меня даже пульс участился от возмущения. – Ведите себя уважительно!

Я развернулась на низких каблуках черных сапог и прошла по просторному этажу в коридор, который вел в приемную отца. Егерь следовал за мной. У стола секретарши, которая тут же поднялась, я стянула тонкие перчатки и попросила:

– Передайте, что пришел господин Езерский. Его пришлось впустить, иначе началась бы забастовка у ворот. А потом твоего начальника хочувидеть я.

Сотрудница испугалась и перевела взгляд на владельца «Дола», который остановился рядом со мной.

– Но... но... – Она не могла закончить предложение, и я сама нажала кнопку на коммутаторе.

– Отец, добрый день, это Фрэнки. Здесь Максим Езерский, сможешь ли ты его принять?

– Вызови охрану, чтобы его выставили вон, – был ответ.

Езерский рассвирепел и промаршировал к двери, которую попытался открыть. Но отец блокировал вход «голосовым» ключом. Без позволения Сатаны никто не мог к нему войти.

Гость вмазал кулаком в железную преграду.

– Уваров, я все равно доберусь до тебя!

Нет, ну каков хам! Врывается, угрожает...

Я вдруг прозрела и увидела смысл в контракте стервы. Почему бы не попрактиковаться сейчас, еще до подписания?

А может не надо?

Надо, Фрэнки, надо...

Я расстегнула косуху и глубоко вдохнула, глядя на бледную секретаршу. Собравшись с ошметками слабого духа, я взяла со стола графин с водой... Какой тяжелый!.. Подойдя к Егерю, окликнула и, сжав челюсти, выплеснула содержимое в лицо врагу.

Мне аж самой холодно стало, особенно когда поняла, что не сбегу, ибо ноги задеревенели. Тут же захотелось извиниться, но я лишь вздернула подбородок от безысходности, с затаенным ужасом наблюдая, как звереет промокший противник.

Езерский, откашлявшись, ошарашенно процедил:

– Ты... ты-ы-Ы-ы!

Я резко развернулась, но он обхватил меня одной рукой со спины, оторвав от земли легко, как котенка, и потащил обратно к столу секретарши. Я взмахнула руками, и заклепка моей черной манжеты зацепилась за челку Егеря. Он взвыл и дернул головой. Мужская ладонь коснулась моей обнаженной талии под задравшимся топом – и от неожиданности я выронила пустой графин; тот грохнулся о паркет, разлетевшись на части.

Не выпуская меня из хватки, Егерь снова ударил по кнопке связи и проорал:

– Клянусь, я сверну шею твоей дочери, если не откроешь! Я вас всех ко дну пушу! Считаю до одного. Раз!

Замок в двери шелкнул, и Егерь, тесно прижимая меня к себе, насмешливо шепнул на ухо:

– Вечно я получаю все, что хочу. Даже обидно за остальной мир.

С этим он грубо оттолкнул меня и вошел в кабинет владельца «Константы».

...А у меня бешено билось сердце. То ли от приятной прохлады, которая исходила из облитого водой Езерского, то ли от его шепота. Но точно не от страха.

Глава 3

Макс

Был день как день. Понедельник. Ничто не предвещало беды. Я играл в теннис в главном здании «Дола» и как раз отбил мяч у сетки, когда меня окликнула Лана, помощница.

– Максим Михайлович, там такое! – она бежала ко мне, обутая в кроссовки, как и все мои предыдущие помощницы: на каблуках споткнешься при таком-то насыщенном графике.

– Ланочка, у меня перерыв.

Я не спал уже двое суток и на сонном адреналине зверел при любом сбое в работе. И сотрудники об этом знали. А раз Лана все равно не остановилась, получив агрессивный ответ, значит, случилось что-то и правда мерзкое.

– Босс, это конец света! Апокалипсис! Армагеддон! Три всадника уже здесь!

Я подошел к скамейке, взял полотенце и утер лицо.

– Налоговая, что ли?

– Да! Говорят, поступила информация о том, что «Дол» налогов недоплатил три года назад. Десять миллионов!

– Рублей? – я открыл бутылку минералки без газа и сделал небольшой глоток.

– Долларов! Они теперь в у.е. считают, не размениваются!

Лана была симпатичная, ухоженная, послушная. Поначалу смущалась каждый раз, когда я смотрел на нее. Забавная. Будто бы я стал заводить интрижку на работе, да еще с собственной помощницей. Ланочка продержалась дольше других, потому что в итоге поняла, что босс – не для секса, а для карьеры, а значит, нужно пахать.

Так что там она про налоги сказала?.. Да-да, миллионы.

– Они что-нибудь еще поведали тебе, душа моя?

– Да, счета компании заморозят на время проверки. – Лана выдохнула эту фразу как последнюю в своей жизни.

Горло сдавило от ярости. Лана отступила на несколько шагов.

– Они в моем кабинете?

– Да. От чая отказались.

– Ясно...

Я швырнул полотенце на пол и поднялся к себе.

Мой кабинет был отделан красным деревом, стены увешаны картинами и дипломами. Комнату наполнял аромат сандала, и я разозлился при мысли, что налоговики пометят помещение своим присутствием.

– Добрый день, господа, чем могу быть полезен? – поздоровался я, и трое чиновников поднялись в ответ.

– Максим Михайлович, что-то часто мы стали видеться, – заметил главный инспектор, который за последний год навещал «Дол» уже три раза. Раньше гостя выставляли вон за неимением доказательств, но на этот раз он выглядел слишком уверенным в себе.

– Не могли бы вы пояснить ситуацию? – Я присел в высокое черное кожаное кресло, отгородив себя от налоговиков массивным столом, и нажал кнопку, приказав Лане принести напитки и вызвать юристов.

– Максим Михайлович, дело серьезное. У нас уже есть разрешение, ваши счета заморозят с завтрашнего дня на весь месяц, пока будет вестись проверка. У нас имеются доказательства о неуплате налогов. Вам знакомо имя Леонид Болеев?

У меня в глазах потемнело. Чтоб этот Болеев до конца жизни на бирже труда стоял! Это был шпион «Константы», который работал в нашей бухгалтерии до моего назначения президентом и успел такого натворить, что до сих пор не разгреблись. Я «раскусил» его, но Болеев

изловчился унести с собой кучу документации, в том числе и «липовой», им же подделанной. Документы он тогда явно передал Сатане, но тот их не выносил на свет до сих пор... А теперь вынес.

Естественно, налоговая должна провести проверку, чтобы в итоге убедиться в невинности «Дола».

Доказать, что Болеев был промышленным шпионом, я не мог, не имел улики против этого козла. Но я просто знал. Нюхом чуял.

– Какие есть варианты?

– Боюсь, лучший для вас вариант – содействовать нам.

Я согласно кивнул, а когда в кабинете появились мои верные юристы во главе с гордым соколом Витей, то решил прогуляться. До офиса «Константы». Слишком долго Уваров носил голову на плечах, пришла пора снять ее и прибить на стену в своем кабинете. Уваровы ведь меня при любой возможности величают живодером, почему бы и не соответствовать. В свои двадцать шесть я нажил столько оскорбительных кличек, что скоро и правда срастусь с ними.

Впрочем, званием «Егерь» я гордился.

Ненавидел же я морального уроды Константина Уварова. И это не коммерческая ненависть, а личная, причем взаимная.

Две семьи, Уваровы и Езерские. Два «старожила» российского бизнеса. У нас был один корень, один создатель, еще при царской России. Когда компания расслоилась надвое, то появились «Константа» и «Дол». Две противоположности: одна – за натуральные кожу и меха, «жестокий» продукт, другая – за гуманность.

Терки между компаниями длились уже столетие, и никто не уступал. И каждый считал, что компания должна быть единой, с единым курсом и единственно верной продукцией.

Уваровы считали, что Езерские их когда-то обворовали и на этом построили бизнес. Мы думали об Уваровых точно так же.

А суть в том, что компанию в начале XX века создала семейная пара, Константин Уваров и Екатерина Езерская. Но они, так и не обзаведясь общими детьми, поссорились, разъехались и поделили наследство. Екатерина основала «Дол», а Константин – «Константу». Взаимная неприязнь и конкуренция быстро переросли в ненависть, и с тех пор две компании стремились уничтожить друг друга, захватить и подчинить.

Оба предприятия были закрытыми акционерными обществами и управлялись Советом директоров, между членами которого и были поделены 100% акций. Перекупить долю нашей компании было невозможно: в Совет входили только члены семьи.

Конфликт с Уваровыми утих лет тридцать назад, и все бы утрамбовалось: рынка всем достаточно, тем более мирового. Но Сатана хотел по молодости объединить компании, женившись на моей матери, Екатерине Езерской. Та отказалась, и конфликт вошел в новую стадию бреда.

Я не помнил жизни без ненависти к Уваровым. Мой дед говорил об этом, и мать, и отец, и отчим. Последний так вообще считал Константина исчадием ада. Так оно и было, потому что Уваров не раз оскорблял мою мать прилюдно, а теперь явно вознамерился стереть «Дол» в порошок. Ну, это большой вопрос – кто кого.

Мать приносила меня в «Дол» в колыбельке, и я с детства знал, для чего создан: сохранить и приумножить семейный бизнес. Я занял кресло президента в двадцать три года, сразу после выпуска из французского университета. Тогда у матери начались проблемы со здоровьем. Отчим к бизнесу не имел пристрастия, потому его кандидатура даже не рассматривалась. Другие кандидаты сами отказались, узнав, что компания вошла в полосу кризиса. По сути, последние три года я один был в ответе за процветание семейного предприятия. Компания давно стала для меня «крестом», который я тащил, но бросать его не собирался.

Я затормозил у проходной «Константы», не в первый раз выслушал, что Егеря, естественно, запрещено впускать в святая святых – и решил, что меня оттуда уберут только эвакуатором. Поэтому я вырулил поперек двух въездных полос и попросил передать владельцу свой пламенный привет.

Зазвонил телефон: Соня Либерман, любовница. Я «сбросил», не желая с ней сейчас разговаривать.

На дороге я прождал минут двадцать, не больше, но позади образовался настоящий парад. Можно было делать ставки, как скоро кто-нибудь вызовет полицию.

Но раньше полиции прибыла Фрэнки.

Господи, как же она меня бесила! При виде этой Сирены, которая заворачивала мужчину только для того, чтобы сожрать, я испытывал кристально-чистую ненависть. Она отравляла кровь и жгла в груди, потому что я не знал, чего хотел сильнее: придушить лицемерную тварь или сдать в полицию.

Без понятия, почему я тянул столько времени, позволяя Уваровой измываться над «Долом». Ведьма еще в выпускном классе была невыносимой, а сейчас, будучи студенткой, и вовсе превратилась в первоклассную стерву.

Сколько нервов она мне помотала за прошлые два года, с тех пор как возглавила фонд в «Константе», сколько пикетов организовала, срывая у нас продажи. Фрэнки была невинной овечкой, которая притворялась добренькой ради выгоды... Впрочем, я сам тоже был далек от идеального героя, так что винить Уварову в жадности не собирался. Я вообще ни в чем ее не винил. Нет. Я эту конкретную девушку просто на дух не переносил, и у нас это было взаимно.

Она шла, покачивая стройными бедрами, демонстрируя свою власть. Остановилась и постучала в мое окно, как будто я назойливая муха, которую пора согнать.

– Фрэнки, солнце, соскучилась по мне? Меня не пропускают. Видимо, спутали с опасным преступником.

Она испуганно вздрогнула, и у меня нутро в узел завязалось. Несмотря на неприязнь, я испытывал по отношению к девчонке противоречивый охотничий интерес, и это бесило еще сильнее. Мне никак не удавалось сбросить маску с этой представительницы рода Уваровых, потому что она сбивала с толку каждый раз, когда мы сталкивались. Вот и сейчас она будто бы заставила себя ответить холодно, с презрением:

– Добрый день, господин Езерский. Вы один, без охраны... Как беспечно.

Она усмехнулась, снова поменяв настроение, и я в который раз поразился, как легко меня может заинтриговать эта нахалка. Пара слов, обветренные губы без помады и глубокий взгляд не ребенка, а женщины. Создавалось впечатление, что Фрэнки была сама себе неустойчивой мозаикой, которая рассыпалась при первом же поражении, но потом начинала составляться снова. Я надеялся, что это сила духа, а не обычная глупость, иначе я потратил ценное время на рассуждения о пустышке.

Осознав, что девчонка отвлекла меня от цели визита, я прищурился.

– Беспокоишься за меня, солнце? Это знание согрело бы мою живодерскую душу, если бы не факт, что раньше вы обходились только промышленным шпионажем, а теперь опустили до угроз, рейдеры проклятые!

Я распахнул дверь и, сграбастав Фрэнки в охапку, швырнул ее в салон. И снова она не стала возмущаться, а, наоборот, сгладила углы у ситуации, приказав охраннику убраться с дороги.

У Фрэнки были густые темные волосы и синие глаза, и уже не в первый раз я задумался, носит ли девушка линзы. Мы никогда не стояли достаточно близко, чтобы рассмотреть друг друга внимательно, и я не мог отделаться от ее любопытного взгляда, пока ехал на подземную стоянку. Пришлось осадить девушку, чтобы не глазела на меня через линзы, и она возмутилась:

– Это природный цвет!

Именно об этом я и думал, пока мы поднимались в лифте. Да-да, я не сочинял оскорбления, которые брошу в лицо Уварову, а разглядывал его дочь. Ей было неуютно в обществе чужака. Фрэнки нервно покусывала припухшие губы и явно не могла дожидаться, чтобы сбежать от живодера, с которым пришлось остаться наедине. Вся такая скромная, что плакать хочется.

Не выдержав, я ступил к ней вплотную и обхватил пальцами подбородок. У Фрэнки были высокие красивые скулы, оттененные в искусственном свете. Я повертел ее лицо, как у куклы, пытаюсь рассмотреть линзы, но их и правда не было.

Потрясающие глаза.

– Хм... Не соврала. – И стало трудно отпустить девушку. Я сжал пальцы сильнее, не разрывая взгляда, пытаюсь оскорбленным достоинством, которое блесело в синих глазах, как у затравленного, но гордого существа.

Отсутствие сна определенно добавило мне рассеянности, и я вел себя, как идиот. Взгляд спустился к ярким сухим губам, которые она тут же облизала...

Двери лифта раскрылись, возвращая в реальность. Девушка оттолкнула меня, и слава Богу. Не хватало еще связаться с Уваровой себе на погибель.

В приемной психически больного главы «Константы» никто не обрадовался моему появлению, а владелец заблокировал дверь в свой кабинет. А стоило мне повысить голос, как бедная овечка Фрэнки показала истинную суть и выплеснула на меня целый бассейн воды. Я чуть не захлебнулся. От неожиданности я так озверел, что подбросил пороха в противостояние, начав оскорблять всех подряд: схватил девушку, прижав к себе, и прокричал в коммутатор пустые угрозы, которые, тем не менее, подействовали. Константин открыл дверь.

...И снова это желание разгадать Фрэнки, которое усилилось с новым прикосновением. Я держал ее спиной к себе и чувствовал под ладонью обнаженный живот... Что кривить душой, я специально сунул руку ей под мягкий топ, чтобы узнать, живая она или обычная кукла.

Еще как живая, горячая – и она просто-таки клокотала от ярости. Но, как и прежде, не вступала в открытый конфликт.

– Вечно я получаю все, что хочу. Даже обидно за остальной мир, – прошептал ей на ухо, наблюдая, как срывается ее дыхание и краснеют щеки.

Черт. Я к ней как приклеился, не мог отпустить. Будто два магнита сцепились, не разорвать.

Обозленный, я оттолкнул Фрэнки, на прощание мимолетно проведя пальцами по ее животу, и пошел в кабинет Уварова.

– Плохого дня, Сатана! Надеюсь, ты будешь страдать от бессонницы весь месяц, на который заморозят счета «Дола».

– Я уже двадцать лет на снотворном, так что не мечтай! – Уваров даже не оторвал взгляда от тонкого экрана компьютера. – Зачем явился?

У Константина был черствый, властный голос, и казалось, что этому человеку лет сто, хотя на самом деле в два раза меньше. Фрэнки походила на него чертами лица, но не цветом глаз. У Сатаны они были черные, как дно пропасти.

– Если ты хочешь открытой войны, то я принимаю вызов. – Я присел в кресло и закинул ногу на ногу, постукивая пальцами по кроссовке. – Обещаю, я тебя уничтожу. Мы достаточно терпели твои оскорбления.

Уваров довольно засмеялся, показывая чрезмерно белые зубы, и, сложив руки на столе, подался вперед.

– На войне все средства хороши, не так ли? – поинтересовался он.

– Так ли, так ли, – поддакнул я.

– Тогда завтра и начнем.

Я подумал, что ослышался. Но, заглянув в злобные глаза Уварова, понял, что тот не шутит. Мы действительно собрались разрубить гордиев узел давней вражды. Мы двое – Константин и Максим.

– По рукам, – сказал я после короткого раздумья.

– За это стоит выпить, мой дорогой, – протянул Константин и, поднявшись, достал коньяк из бара.

– Яда подсыпал?

– Ну что ты, Максим. Яд – это средство мести у женщин. Женщины – они более изворотливы, иногда даже удивляюсь, насколько они могут быть сволочными.

– Да, я слышал много плохого о твоей жене, – ехидно ответил я, принимая из рук своего врага стакан с неразбавленным коньяком. Вообще, мне, несмотря на лютую ненависть, доставляли удовольствие подобные перебранки с Уваровым. И тот тоже любил спорить со мной.

– За твоё здоровье, сатанинское ты отродье, – сказал я.

Константин оскалился и, вскинув бокал, таинственно ответил:

– Твоими устами глаголет истина, дорогой, – и выпил до дна.

***

Я пряталась за углом, ожидая, когда Егерь уйдет. Наконец хлопнула дверь, шаги затихли, и я прокралась из укрытия к помощнице папы. Та нажала кнопку и спросила, готов ли он принять меня.

– Фрэнки опоздала на работу, – был ответ.

Вообще-то, у меня имелась веская причина: Иосиф с контрактом.

Я вошла в кабинет и, как всегда при виде отца, оробела.

– Привет. Я по поводу этого абсурдного контракта. Ты...

Но он оборвал меня на полуслове.

– Сядь, не мямли.

Я проглотила незаслуженный упрек и присела на край кресла.

– Могу я хотя бы обсудить некоторые условия и пункты? – спросила у человека, который умел подавлять меня одним лишь взглядом. Нажимал в моем мозгу «волшебную кнопку» и хоп! – я в его власти. Но сегодня я хотела выстоять... Наивная. Отец проигнорировал мой вопрос, наполнил хрустальный стакан коньяком и отвернулся к панорамному окну, из которого виднелась серая Москва.

– Молчи и слушай. Я хочу быть уверенным, что после моего ухода во главе компании встанет сильный лидер. Не тряпка, а уверенная в себе, жесткая женщина по имени Франсуаза Уварова. Наша компания продолжает расти, скоро и «Дол» вольется в «Константу». Иосиф предсказал, что я поставлю точку в многолетней вражде, причем еще до Нового года. Когда-то я уже пытался, но Катя Езерская выбрала не меня. Она отказалась дать мне детей, и в итоге я страдаю с двумя недочеловеками – тобой и твоим братом. Роберт даже в слуги Максиму не годится! – Отец сорвался в голосе, но сразу успокоился. – Однако, Катя просчиталась. Ее наследник не получит ничего! Ни-че-го!

Я замерла в тихом ужасе, потому что давно не видела папу настолько воодушевленно... злым. Он настроился на важный шаг, но хотел совершить его моими ногами. Я заранее испугалась возможного ответа, когда уточнила:

– То есть контракт стервы поможет захватить «Дол»?

– Дошло до тебя. – Отец фыркнул и пригубил коньяка.

– Погоди... Ничего не понимаю. Зачем тогда весь этот шантаж в условиях?

– А ты согласилась бы подписать без дополнительной мотивации?

– Н-нет... Нет, конечно. То есть, может быть. Не знаю... Да.

– Фрэнки, девочка моя. Если я не веду тебя за руку, ты начинаешь сползать на обочину, теряя цель. Сильная мотивация – это одна из самых надежных гарантий того, что человек не сдастся. Смотри, я сейчас достану документы... покажу тебе... что ты чувствуешь?

Отец выложил на стол толстую папку и подтолкнул ко мне. Внутри находились документы о передаче 51% «Константы» Максиму Езерскому. Дата, подпись Сатаны и его поверенных. Официальные бланки прошиты, пропечатаны... Кошмар.

В нашей корпорации все акции принадлежали только папе: 51% – официально, остальные были разделены еще на пять человек, не членов семьи, а верных приспешников, которые полностью зависели от Сатаны и никогда не принимали собственных решений. Максиму оставалось лишь поставить подпись в документе, чтобы завершить сделку.

Я слотнула и с дрожью в голосе сказала:

– Но как именно я могу помочь в поглощении «Дола»?

Отец достал тонкую расческу и провел по волнистым иссиня-черным волосам.

– У них семь акционеров, продать свою долю каждый может без разрешения. – Отец отложил расческу и довольно ухмыльнулся. – Максиму принадлежит тридцать пять процентов, его мамаше – двадцать пять. У дядьев, тетки, отчима и невесты было сорок процентов на всех, в равных долях. Я через подставных лиц уже выкупил эти 40%. Мне нужны еще одиннадцать, но Максим и Катерина не прогибаются... Фрэнки, в тебе столько положительных качеств: красота, невинность, беспрекословная преданность мне... Согласись, я прав в том, что ты должна стать шпионкой. Важно заполучить этот дополнительный кусок «Дола». Если внимательно прочтешь контракт, то увидишь возможные лазейки, там вбито расписание Максима до конца декабря.

– А он при чем?

Отец подошел ко мне сзади и подбадривающе похлопал ладонями по плечам. Он стоял, я сидела. Отец всегда умел нарушить личное пространство и дернуть нужные ниточки.

– Максим – такой щепетильный человек, что на него не существует компромата. Единственная его слабость – красивые женщины. Сейчас он, по слухам, встречается с Соней Либерман. Но это не мешает ему заглядываться на других... И он ведь может заинтересоваться тобой настолько, чтобы утратить бдительность и впустить тебя в семейные дразги.

Я в шоке извернулась в кресле, глядя снизу-вверх на отца. Меня что же, продают Егерю?! То есть... Постойте-ка.

– Но ведь в контракте сказано, что я не имею права вступать в интимную связь с Максимом. И как я должна его одурачить? Сыграть с ним в салочки? Построить пирамидку?

У отца был просторный светлый кабинет, но сейчас мое внимание сосредоточилось на суровых черных глазах.

– Будь изобретательной, Фрэнки. Учись манипулировать. Посоветуйся с матерью, она в этом профи. Но я убью тебя собственными руками, если станешь шлюхой Егеря. Ты облапошишь его и выбросишь.

Отец смотрел хмуро, взгляд колющий, без тени юмора. Он не шутил только что, и это повергло меня в пучину бессмысленного протеста. Отец продолжал подавлять взглядом (он запрещал опускать глаза во время беседы), и я чувствовала, как вдавливаются «волшебная кнопка» внутри. Но кое-что больно задело меня. Я выпрямила спину и холодно произнесла:

– Мне жаль, что мы с Робертом разочаровали тебя. Наверное, я заслужила такое отношение, но не унижай Роберта. Он добрый, умный, талантливый. Лишить его поддержки, наследства – значит, укатать в асфальт его мечту стать музыкантом. Езерский и мизинца его не стоит! Кем ты восхищаешься? Бабником, который открыто изменяет своей невесте? Который не имеет ни кодекса чести, ни души? Он же беспринципная мразь!

Глаза отца загорелись опасным хищным светом. Казалось, его окутал ядовитый туман.

– Если ты откажешься, я перепишу *все*, чем владею, на Максима! Составлю завещание только на его имя, и после моей смерти к нему уйдет Тара! К нему все уйдет! Ни тебе,

ни Роберту не достанется ни рубля. Будешь прыгать босоногим волонтером по африканским пустыням в поисках малярии!

Он орал так, что у меня застыла кровь в венах, но я все равно пропищала:

– В контракте это не оговорено! Там указана потеря «Константы», но ни слова о Таре.

– Не спрашивайся... Ты меня знаешь. Составлю новый документ, который будешь подписывать слезами.

Я всегда проигрывала в словесной дуэли с ним. Даже если поначалу появлялся запал противостоять, то отец быстро его тушил.

Вот и сейчас. Он оскорбил, а я не могла ответить тем же. Но все равно каким-то чудом держалась и продолжала с вызовом смотреть в глаза, давая понять, что он меня не убедил на этот раз. Хотя на самом деле мне просто было страшно открыть рот. Я молча хмурилась, чтобы отец перепутал меня со стойким оловянным солдатиком. Хотелось отвоевать хотя бы пять минут мнимой храбрости перед тем, как выбросить белый флаг.

Постепенно отец успокоился и, поправив галстук, снова потянулся к опустевшему стакану.

– Подпишешь? – спросил он.

– Мне нужно подумать. Я категорически против пункта о том, что должна потерять девственность к Новому году. Это насилие над моей личностью.

– Пункт останется.

– Но у меня ведь даже парня нет!

– Самое время найти. Тебе уже восемнадцать. В твоём возрасте средневековые женщины целый выводок детей воспитывали... тех, которые выжили.

– Как мило. Но знаешь что? В вопросе моей невинности коса нашла на камень. Это идет вразрез с моими принципами.

– А у тебя разве есть принципы? – искренне удивился отец.

– Один есть! – Я насупилась, сложив руки на груди. – Поэтому дай мне действительно вескую причину для всей той грязи, в которую ты хочешь меня бросить.

Повисла пауза. Глядя на дно стакана, отец наконец произнес надтреснутым голосом:

– Фрэнки, я умираю. Мне осталось полгода, и я не хочу уходить, не окончив войну с Езерскими. Если мы провалим эту миссию, то я буду приходить к тебе в кошмарах, клянусь.

Отец открыл ящик стола и достал очередную папку, в которой лежало врачебное заключение. Почерк оказался до того непонятный, что я не могла разобрать.

– Что у тебя?

– Рак.

– Когда ты узнал?

– Месяц назад.

– Мама в курсе?

– Нет, пускай не радуется раньше времени. И ты рот держи на замке.

У меня от волнения текст расплывался перед глазами, но я все же запомнила название клиники и номер документа, чтобы потом перепроверить. Я никогда не ставила слово отца под сомнение, и он знал об этом. Но сейчас на кону оказалась не только моя девичья честь, но и будущее всей семьи, и я решила взбунтоваться хотя бы в этой мелочи. Так было легче смириться с собственной беспомощностью перед Сатаной.

– Сделай мне прощальный подарок, дочка. Подари мне «Дол». Я сотру их с лица земли, они наконец перестанут существовать, и я упокоюсь с миром.

Если отец на чем-либо заикливался, то это навсегда. Я не сомневалась, что он отравит жизнь мне и Роберту, если я не повинуюсь.

Прикрыв глаза, я наконец признала поражение.

– Хорошо. Я попытаюсь.

Отец шумно вздохнул.

– Ты приняла верное решение. Я убежден в твоей победе, потому что в тебе, в конце концов, течет моя кровь.

– А если я не смогу заполнить для тебя акции?

– Тогда Максим – это меньшее зло. Я достаточно рассудительный человек, чтобы признать поражение собственных детей и спасти компанию, даже ценой передачи ее в руки своих врагов... Дело должно быть закрыто до наступления Нового года. Так угодно судьбе.

Иосифу, что ли?! Иосиф предсказал отцу очередную ересь о великой миссии?! Тогда это точно конец.

– Спасибо за ободряющую отповедь, – горько улыбнулась я, все еще не осознав смертельный диагноз папы. Это же Сатана, он бессмертен.

– Я люблю тебя, Фрэнки, потому и продолжаю бороться за тебя. Методы Иосифа действенные, сама убедишься. Докажи, что после моей смерти сможешь управлять «Константой», и она достанется тебе, а не Максиму.

Его голос смягчился, от алкоголя, наверное, и один из самых богатых бизнесменов Москвы вернулся за стол, усевшись в кресло из кожзаменителя, который ненавидел.

Я поцеловала папу в гладко выбритую щеку и вышла из кабинета. Пока не забыла, внесла в смартфон данные клиники и, будто в тумане, побрела к Афелию. Надела шлем, выругалась и умчалась в морг, к другу, который мог помочь с проверкой диагноза.

Глава 4

Константин, он же Кукловод, он же Сатана

Я бросил папку с медицинским заключением назад в ящик и хохотнул, подняв тост в свою честь.

Хорош, мерзавец!

Дочка поверила, что я действительно отдам компанию в руки Езерских, если она не выполнит какой-то дурацкий контракт. Что поделать, Фрэнки – наивная душа. Она усвоила сегодня урок об эффективности шантажа, а вот блеф для нее так и остался неизвестным термином.

Я пролистал папку с подписанными документами о передаче контрольного пакета и сунул в тайный отсек стола, где и похоронил под кодовым замком. Пускай полежат пока, на случай если Фрэнки снова дрогнет и замучается совестью. А первого января эти документы отправятся в бумагорезку.

Да я лучше пропью свои владения, включая стерву-жену, чем отдам Максиму! Но я абсолютно уверен, что Фрэнки, моя девочка, справится. Она легко очаровывала людей. Идеальная шпионка, только совести слишком много, но и этот дефект можно исправить.

Фрэнки принесет мне пакет акций на блюдечке с голубой каемочкой... потому что она зацепила Максима за живое.

Я этого никогда бы не узнал, но мне нашептала тайну сама госпожа-удача по имени Верочка. Она была невестой Максима. Обиженной невестой...

Верочка заметила, что Максим стал слишком часто проклинать бедняжку Фрэнки, что его глаза загорались недобрым огнем, стоило невесте вскользь упомянуть ненавистное имя. Даже свою пассию Соню Либерман он не устаивал столь яркими эмоциями.

Поэтому, Фрэнки просто должна следовать проклятому контракту, чтобы все получилось.

Благодаря Верочке, сексуальной мазохистке, я уже скупил акции «Дола». Она не только тайно продала мне свою долю, но и уговорила других последовать ее примеру. Лишь Максим и его мать остались «неоципантыми». И они были в полном неведении, что их семья – это стадо баранов. Через Верочку я заплатил им крупные суммы и при этом сохранил им ежемесячные выплаты по процентам и право подписи.

Они не знали, кому именно вручили душу, как и не подозревали, в какую ловушку угодили. Каждый думал, что один такой умный: в кризис сумел невероятно выгодно продать акции и при этом остаться номинальным владельцем, получающим ежемесячные выплаты. Ума палата... Выродилось семейство Езерских. Один у них выжил адекватный человек – Максим, но и тот не раскусит махинацию, если не начнет целенаправленно копать.

Как же легко было управлять людьми. И как приятно. Ничто в жизни не доставляло мне большего наслаждения, чем ощущение власти над другими.

Удача в бизнесе сопровождала меня всю жизнь. А вот в отношениях с женщинами не везло. Сначала Катя Езерская отказала в браке, затем жена оказалась стервой, а теперь и любовница изводила частыми визитами. Только с дочкой и получалось справиться. Я считал ее не просто своей марионеткой, я ее действительно любил. Верил ей. В девочке заключалось будущее Уваровых, и я хотел помочь ей повзрослеть. Я даже анализ ДНК недавно сделал, чтобы убедиться в кровном родстве. На всякий случай.

Конечно, я предпочел бы иметь такого наследника, как Максим, но тот мне был чужим, на него тест я тоже сделал пару лет назад. Когда-то я завидовал черной завистью первому мужу Кати Езерской: такой сын! Но прошлого не изменить, в отличие от будущего. Из Фрэнки получится наследница не хуже. Она либо сломается за декабрь, либо закалится.

Когда мне несколько месяцев назад поставили первый, смертельный, диагноз, то я исповедовался Иосифу. А тот сказал, что видел сон о моей болезни. Сказал, что исцелением станет прекращение войны с Езерскими. И если я прислушаюсь, то болезнь уйдет в прошлое вместе с причиной моей ненависти.

В итоге я соблазнил Верочку и, сам того не ожидая, быстро выкупил 40% «Дола».

А вчера мне сняли диагноз. Сказали, опухоль доброкачественная и это не поддается логическому объяснению. Но я-то знаю, что выздоровел благодаря судьбе, к указаниям которой прислушался.

Осталось выйти из грязного теневого бизнеса, подготовить ко взрослой жизни дочь, захватить «Дол» – и можно праздновать Новый год.

Взяв айфон со стола, я напечатал сообщение для Фрэнки: «Помни, что я тень за твоей спиной, тогда и ошибиться не сможешь». Усмехнувшись, нажал на кнопку коммутатора и приказал помощнице:

– Свяжи меня с Астаной в четыре часа... Да, с Джалиевым.

Я уже собрался заблокировать дверь, но помощница кашлянула и сказала, что в приемной – очередная гостья.

В кабинете появилась Верочка в черном плаще до колен.

– Костя! О Господи, я чуть с Максимом не столкнулась! Просидела полчаса в туалете, пряталась, как школьница.

Вера была невысокой, худой крашеной блондинкой с перекаченными губами и тонким голосом. Легко понять, почему жених ее так ни разу и не отымел: он предпочитал таких, как Фрэнки. Меня чужая невеста тоже мало привлекала и вызывала презрение, но ее покорность играла мне на руку.

– Я давал тебе слово? – холодно спросил.

– Ух, какой ты властный босс...

Я закатил глаза к потолку и приказал:

– На колени.

– Дай отдышаться...

Она млела от извращенных игр, и меня это устраивало, потому что можно было не притворяться, что я ее уважаю. Нормальный секс у меня закончился вместе с нормальными отношениями в семье, когда жена переехала в отдельную спальню. С тех пор что ни любовница, то шоу по завоеванию папика. Вот и Верочка не исключение.

Я не позволил ей нормально раздеться или устроиться поудобнее. Взял ее сзади, грубо, и услышал довольный стон.

– Я говорю, ты делаешь.

– Да... да...

– Ты помнишь про одиннадцать процентов.

– Помню...

Мне и десять процентов плюс один голос хватило бы, но лучше больше. Я всегда страховался. На Фрэнки я уже поставил, но и Верочка пускай не расслабляется.

– Я всегда получаю то, что хочу, – прошипел, а потом оттолкнул блондинку, больше не обращая на нее внимания, и застегнул брюки. – Пошла вон. Чтобы до следующей недели не видел тебя.

И она послушалась. Меня всегда слушались.

Фрэнки

Мой лучший друг, Борис Денных, учился в «меде» на пятом курсе. Мы познакомились на мероприятии, которое я организовала для поиска меценатов, желающих финансировать центры для детей с ДЦП.

Борька был весельчак и одновременно очень серьезно подходил к исполнению просьб. Будущий патологоанатом, он подрабатывал в морге и был помешан на чистоте.

– Привет, Франсуазита! – поприветствовал он меня, выйдя на крыльцо. – Каким ветром в наши края?

Мы обменялись вежливыми поцелуями в щеку, и я открыла запись на смартфоне.

– Слушай, у тебя есть знакомые из клиники Верещагина[1]? Мне нужно проверить, настоящий ли документ я сегодня увидела. Там смертельный диагноз, а мне кажется, что это «липа».

Боря удивился.

– А кто собирается откинуться? Может, мне еще и вскрытие доведется проводить, а? – Он любил шутить о внутренних органах и смерти.

– Мой отец.

– Ого! И ты так легко выдаешь тайну мне, простому смертному рабу?! В смысле... мои соболезнования, очень жаль, – вспомнив о приличиях, добавил Борис.

– Честно, я пока не могу осознать этот факт. Просто вот отказываюсь в него верить и принимать близко к сердцу. Хочу проверить, правда ли это.

– Может, я и помогу. Есть у меня кое-какие связи.

У друга связи имелись везде, потому что он был жутко энергичным активистом и сыном именитого врача, профессора РАН.

– А когда ты сможешь выяснить?

– Пам-пам-пам... К вечеру устроит?

Я благодарно выдохнула: недолго ждать.

Макс

Довольно насвистывая, я вырулил на дорогу и подумал, что встреча с Уваровым прошла отлично. В крови бурлил адреналин от предстоящей последней «битвы», в которой я собирался победить – честными методами и не очень.

Когда я ставил свой стакан с коньяком на стол в кабинете Сатаны, то прилепил под столешницу ма-аленькую такую наклейку, которую даже на ощупь не определишь. Это была одна из новинок для разведки, тестовую модель которой я получил от друга-изобретателя, Дани Летова. Он работал в NewTek. Мне нужен был «жучок», и друг предоставил вот это вот чудо под честное слово, что верну продукт через пару дней.

В кабинете Уварова обычные «жучки» не работали, но «наклейке» требовался только вай-фай для записи. Так что я активировал прослушку и убрался восвояси. Но почему-то запись на мой ноут поступала закодированной. Я даже еще раз перезагрузил операционную систему, чтобы убедиться. Обидно, но что поделать. Продукт тестовый, и манну небесную мне никто не обещал. Придется ждать, пока расшифруют запись.

Я захлопнул крышку ноутбука, включил громче музыку и понесся в «Дол».

...А из памяти почему-то никак не стирался растерянный взгляд Фрэнки. Я определенно выбивал ее из равновесия, судя по сегодняшнему поведению, и этим грех не воспользоваться.

В общем, я с воодушевлением ждал нового дня. Что поделать, по духу я был охотником. Правда, я никогда не охотился на зверей, предпочитая отслеживать интересных женщин.

Впрочем, чаще они отслеживали меня. Не сказать, что я сильно сопротивлялся.

Фрэнки

– Але, Франсиско, дружище! Танцуй танго с розой в зубах. У твоего коварного родителя доброкачественная опухоль. Он отдал тебе старое заключение, диагноз ему перепроверили и сняли вчера. Не спрашивай, как я выяснил, но поверь, легче полететь в Космос. Ты довольна, красавица?

Уф-ф...

– С меня подарок размером с Луну, – ответила я. Страх, что отец и правда мог умереть, мучил весь день, и теперь нервы расслабились.

Боря перешел на обычный треп ни о чем, а я думала об отце. Вот же злобный авантюрист! Как только язык повернулся врать насчет болезни?! Бессердечный! Предатель! Параноик!!! Я потеряла виски, чтобы успокоиться.

Ясно одно. Из-за проклятого пророчества Иосифа папа решил поставить точку в противостоянии «Дола» и «Константы». Первого января он будет управлять либо всем – либо ничем. Денег у него достаточно, чтобы уйти на покой и жить припеваючи на островах до конца дней. А что станет с его детьми, его уже не будет волновать. Они ведь сплошное разочарование.

И только я начала медленно «расклеиваться», выплеснув агрессию в пустоту, как Боря на другом конце беспроводного соединения сказал:

– Ах да, еще. Твой отец не так давно сдавал тест на ДНК. Результат был положительным. Может, у него внебрачные дети есть, ты об этом не думала?

Я растерялась.

– Э-эм. А можно узнать, кто именно был подопытным кроликом?

– Боюсь, что нет, Франкфурт. Вообще никак. Извини.

– Черт. Ну ладно. Спасибо большое, что сказал.

Мы попрощались, и я присела на широкий подоконник, задумчиво глядя в окно на вечерний зимний двор, залитый искусственным светом фонарей.

«Тара, любовь моя» – так называл это поместье мой младший брат. А что если у меня есть еще и старший брат? И отец узнал об этом. Узнал, что Максим ему родная кровь. Сын, которым можно гордиться.

Тьфу! Так вот почему с ним нельзя терять невинность! Гадость какая... Зато это хорошо объяснило бы вспышку папиной паранойи. Видимо, он мстил Екатерине Езерской, которая скрыла от него когда-то, что была беременна. Теперь он жаждал, чтобы она приползла к нему на коленях и умоляла не рушить «Дол», наследие их общего сына. А отец скривит физиономию и скажет: «Я уже знаю, что он мой сын. Но поздно разыгрывать эту карту. Мне наплевать».

А если я не справлюсь, то папа объявит о том, что Максим Езерский – его наследник, и выставит себя великим героем, который готов отдать бразды правления сыну.

Получалось, что Сатана выиграет при любом раскладе.

И такая обида во мне поднялась, что в глазах потемнело от слез.

В этот момент я решила, что действительно приложу все усилия для выполнения контракта стервы. Не ради того, чтобы порадовать отца, а чтобы научиться говорить «нет».

Что если заполучить необходимый пакет акций Езерских не для Сатаны, а для себя? И передать их папе только в обмен на Тару и долю в «Константе»? Должна же я подстраховать будущее. Отец не постеснялся соврать о своем смертельном недуге, а значит, и обещание сделать меня наследницей может легко проигнорировать в корыстных целях.

Мой план казался рискованным, но стоил того...

– Я не просто научусь говорить «нет». Я научусь говорить «нет» тебе, папочка, – пообещала в пустоту.

Да, я понимала, что такая храбрая сейчас из-за гнева, что уже завтра «сдуюсь» и выполнить задуманное будет гораздо сложнее. Но в одном отец оказался прав: во мне текла кровь Уваровых, а это яд хоть и замедленного действия, но рано или поздно активизируется. Главное начать, сделать первый шаг.

...Но как же сложно было сделать этот чертов шаг! Кто бы подтолкнул в спину из жалости.

Я вздохнула.

Ладно, завтра предстоял новый день. Осталось сделать тест ДНК, чтобы проверить теорию о родстве с Егерем.

Я достала из ящика стола контракт стервы и подписала, аккуратно выводя каждую закорючку. Спустилась на первый этаж, набросила пальто, обула теплые угги из искусственного меха и отправилась к Иосифу.

А там будь что будет.

Глава 5

На рассвете я проснулась с чувством обычной легкости, но потом вспомнила о контракте. Я его все-таки прочла от корки до корки и убедилась, что Иосиф – психологический садист.

Выбравшись из теплой кровати, сбегала в душ, а потом надела бледно-розовый джемпер и черные джинсы в обтяжку. Перед сном я, ни на что ни надеясь, тщательно исследовала свою вчерашнюю одежду и нашла на косухе волос Егеря, намотанный на металлическую пуговицу на манжете. Наглец утерял это «добро» во время короткой схватки в приемной Сатаны.

Волос пепельного цвета, выданный с корнем, лежал в плотно закрытом пластиковом пакете.

Я набрала номер Бори.

– Боги всех времен и народов, – прохрипел друг. – Франкенштейн, сейчас еще ночь или уже утро? У меня голова раскалывается...

Первым порывом было извиниться, но нельзя. Вспомнив об этом, я захлопнула рот.

– А тебе лишь бы спать, – отчитала друга. – Мне нужно сделать анализ ДНК, в наличии волос, который я с корнем вырвала у врага.

– Молодец, поздравляю. Давай так. Три дня, и будет тебе счастье.

– Нужно быстро, сегодня.

Боря тяжело вздохнул и кому-то рядом пробормотал, что звонят по работе.

– Так и быть, прогуляю ради тебя пару и съезжу в лабораторию. Привезешь материал.

– Через час буду у тебя.

– Издеваешься?! Дай досмотреть сны.

Я больно укусила себя за руку, зажмурилась и заявила:

– Н-нет!

– Ого! – Боря присвистнул. – Все так плохо?

– Говорю же, очень срочное дело.

– Ну ладно. Приезжай. Ненормальная.

Я собралась поблагодарить, но вспомнила, что и «спасибо» теперь в списке запретных слов.

– До скорого, – пробубнила, испытывая жуткие угрызения совести.

Задание на первый день контракта было описано как легкое, для раскочки: отправиться на ужин в 17:00 в ресторан «Дакота». Сказать официанту, что он нищелюб. Попросить сменить бокалы, с которых не отмыли отпечатки. Не оставить чаевых. Обвинить соседа по столу (Бориса Денных) в том, что он украл деньги из моей сумочки. Не произносить слов извинений или благодарности. Университет прогулять. На работе всем звонящим по грантам отказывать в грубой форме. Вообще всех, кто просит что-либо, посылать на три буквы. К счастью, на какие именно буквы, не уточнялось, и я решила посылать на АБВ.

Казалось бы, мелочи, но обычному человеку исполнить подобные приказы – как танком по себе проехать.

Преодолев путь в сорок минут под морозящим дождем и прибыв в «Константу» верхом на Афелии, я старалась избегать людей и даже отключила коммутатор в кабинете, но потом со скрипом раненной совести вернула провод на место. Злобный аппарат тут же затарабанил, и помощница ласковым голосом отчиталась, что звонят из Фонда поддержки креативных инициатив гуманоидов... э-э...

– Что? – переспросила я, и помощница, прочистив горло, ответила:

– Ой, я не так записала. Инициатив гуманов.

– Кого? – Я даже насупилась и глаза прищурила, чтобы лучше слышать.

– Франсуаза Константиновна, я правда не знаю. Говорят, вы согласились пообщаться.

– Соединяй.

Я сняла зубами колпачок с черного маркера, которым рисовала скетчи в перерывах, и приготовилась сделать пометки.

– Добрый день, Франческа, это говорит Марина, глава Фонда поддержки креативных инициатив «Гуттенберг».

– Здравствуйте, – улыбнулась я.

– Мы послали вам на почту проект и надеемся, что вы его одобрите. Это проект по созданию детских полос с препятствиями для бедных дворов.

– А какого рода препятствия?

– Ну, знаете, все, что детям интересно. Горки без бортов, скользкие отрезки, песочница не с песком, а со щебнем... В общем, новый писк моды, неординарный подход к развитию реакций и моторики у ребенка.

– Вы собираетесь моторику развивать или делать инвалидами?

Собеседница засмеялась.

– У вас есть дети? – спросила она.

– Нету.

– Я так и подумала... Не судите наш проект безосновательно, пожалуйста. Вы же не мать. Поверьте, наш проект очень перспективный.

Черт! Я подскочила, как солдат при виде генерала. Нужно ведь отказать! Причем сходу и в грубой форме. «Простите, Марина, но...» Ох, без извинений же нужно.

– Марина, обратитесь со своим проектом... к гуманоидам! И щебнем свою заявку присыпьте для солидности. Всего хорошего! То есть, нехорошего. Разговор окончен. Вам отказано.

Бросив трубку, я плюхнулась в кресло. У меня тряслись руки, пальцы не разгибались, а в ушах отзывалось эхом собственное хамство.

О боже.

Я выпила воды из бутылки, которую вытащила из стола, а потом побрызгала себе лицо.

Если так и дальше пойдет, то к концу месяца я стану неврастеником.

Трень-трень. Опять телефон.

– Франсуаза Константиновна, вам Борис Денных звонит.

– Соединяй!

Пара мгновений, и голос друга:

– Фрэнки, крошка, твоя просьба исполнена. Я в лаборатории, результаты готовы.

– И-и?

– А тебе какие нужны? Положительные или отрицательные?

– Настоящие.

Боря хмыкнул, раздался треск, и голос стал удаляться.

– Але, Борь!

– Это я смартфон переложил на другое плечо. Документы в руках держу.

– Так брат он мне или нет?

– Кто?!

– Не скажу.

– Тогда и я не скажу.

Боря иногда становился жутко вредным. Обычно я начинала хвалить его, и он оттаивал, но сегодня этот прием был под запретом. А вот если рассердить Боря в таком состоянии, то он и правда не скажет. Злопамятный. Пришлось зайти с другой стороны:

– Приглашаю тебя на ужин в «Дакоту» в пять вечера.

Наглая ухмылка друга картинкой Чеширского кота повисла перед глазами, когда тот протянул:

– Вот там и отвечу, даже документ дам подержать.

– Ах ты!..

Но Боря уже отключил звонок. Жизнь – боль. Мне предстояло до вечера страдать, гадая, быть или не быть. Я пока не поняла, как относиться к Егерю в случае родства. Это нарушило бы картину мира, появился бы сильный соблазн рассказать ему о контракте стервы и планах отца. Вдруг Максим помог бы найти лучший выход?

Та-ак! Стоп. Это что за мысли?! Егерь – и помочь? Да он посмеялся бы надо мной, растоптал и пошел дальше.

Говорят, что у него дома пол устелен шкурами лично им убитых животных, включая редкого медведя-губача. Как вообще можно убить кого-то с такой хорошенькой мордашкой, как у губача?!

Тре-е-нь!

– Кто на этот раз?

– Фонд разочарованных писателей.

– Черт... Ладно, давай.

Если хотелось выпустить пар, то обычно я не использовала людей, а садилась на байк и гнала по трассе до посинения. Сейчас я тоже была взвинчена, и меньше всего на роль жертвы моего дурного настроения подходил любимый преподаватель.

Оказалось, он звонил, чтобы извиниться и – снова напроситься на яхту, когда ту отремонтируют. Почувствовав, как немеют губы от необходимости отказать, я уткнулась лбом в стол и шумно втянула воздух. Это же был мой препод, хороший человек, потерявший вдохновение.

Эх...

– Вы в своем уме, Виталий Иванович? Отец меня чуть не убил. Скажите спасибо, что страховка покрыла основную часть расходов на ремонт. – Закрыв ладонью трубку, я шепотом добавила: – Идите на АБВ.

– Что? Не расслышал.

– До свиданья.

Сгорбившись, я закрыла лицо ладонями. Привыкать к грубости не хотелось: я боялась того побочного эффекта, который сделал маму стервой навсегда.

Лучше жить впроголодь, чем жить, как мама.

Я позвонила брату, пригласив его на ужин, а после обеда, закончив дела, отправилась домой переодеться. В контракте уточнялось, что в свободное от работы время я должна одеваться вызывающе.

Колючий ветер бил в лицо, и казалось, что я лечу, расправив крылья, которые всю жизнь прижимала к бокам, боясь взмахнуть и нечаянно задеть кого-то. Горечь от собственной несвободы давила на сердце, но с каждым километром становилось легче.

За поворотом показалась аллея, ведущая к высоким воротам Тары.

Тара... Каждый раз, возвращаясь домой, я испытывала невероятный душевный подъем. Это место было светлым и большим, как отдельный мир, и даже присутствие Столетовых и Сатаны не портило атмосферу.

Я запарковала байк в гараже и направилась к конюшне.

– Привет, Фрэнки, я думал, ты о нас забыла, – поздоровался дядя Тим, который ухаживал за нашими лошадьми уже пятнадцать лет.

И снова пришлось себя оборвать на вдохе, чтобы не извиниться, не объяснить ситуацию.

– Дел полно, – отмахнулась и подошла к своему любимцу, Ацтеку, который лоснился даже в полусвете. Вороной начал перебивать копытами, учуяв мой аромат, и я улыбнулась. Ткнулась ему носом в нос и огладила его по лбу, где горела белая звезда. Ацтек был огромный, длинноногий, гордый. Красавец... Я скормила ему морковку и, не прощаясь, выбралась во двор. Постояла минуту в трансе и медленно побрела к дому, размышляя о предстоящем ужине.

– Детка, это ты? – раздался голос мамы, и Зоя Уварова показалась из золотой гостиной в пеньюаре, с модным журналом в руке. – Я помогу тебе выбрать наряд в ресторан.

– Иди на АБВ, – ответила я развела руками, когда мама резко вскинула брови. – У меня контракт, так что привыкай.

Мама рассмеялась.

– Как знаешь, но выбери что-нибудь покороче.

– Ценный совет, – хмыкнула я, поднимаясь по широкой лестнице с белыми резными перилами. – В смысле, плевала я на твои советы.

– Умничка, – ответила довольная мама.

В итоге я выбрала прямое короткое платье без рукавов, ниспадавшее слоями золотистой бахромы от лифа вниз. Приложила одежду к себе и посмотрелась в зеркало. Слишком короткое, и спина открыта. Замёрзнуть можно в декабре-то. Но для дела сойдет.

Я распустила волосы и подколола передние пряди, чтобы не лезли в глаза. Сапоги выбрала черные, замшевые, выше колен. Толстый слой бесцветного бальзама для губ, дымчатые тени для век, скулы подчеркнуть...

– Нищеврод, вот вы кто, поэтому и отпечатков на бокале не видите. У вас дома, наверное, только глиняные кружки, как в Средневековье, – сказала я своему отражению и сглотнула нервный смешок. Кто вообще так с людьми разговаривает? Придется потом извиниться перед каждым, кто пострадает в декабре от драконихи Франсуазы.

Смирившись с грядущим, я вызвала такси и отправилась в центр Москвы, в ресторан «Дакота», который находился неподалеку от Красной площади. Брат добрался туда прямо из гимназии. Он учился в выпускном классе и собирался стать великим музыкантом, гитаристом, как Брайан Мей.

Отец не замечал Роберта, не строил на него планов и не пытался переубедить в выборе профессии. Казалось, Сатана вычеркнул сына из жизни как бракованный продукт.

Роберт был очень популярным парнем в гимназии, учился хорошо и ненавидел «Константу». Любил он меня, Тару и музыку.

– Привет, Фрикаделька! – Он обнял меня, как котенка, благо, что высокий, метр девяносто, и взлохматил мои уложенные волосы. – Ты на панель собралась?

Я вмазала ему сумочкой по плечу и вовремя вспомнила, что не имею права разглашать информацию о контракте. Врать брату было странно, противоестественно.

– Решила найти себе парня.

– В таком виде ты его найдешь только на одну ночь, сестричка.

– Отстань. Вон, Боря идет... А с кем это он?

Брат выругался и шикнул мне на ухо:

– Не могла предупредить, что *она* с нами будет?!

Оказалось, Боря привел с собой младшую сестру, которая училась с Робертом в одном классе. Я часто слышала о ней, но встречаться нам еще не доводилось.

– Привет, – мелодичным голосом поздоровалась она. – Меня зовут Юля.

– Привет, – процедила я, состроив лицо стервозы и вызвав недоумение у Бори.

Гурьбой мы направились в ресторан.

– Франческа, ты выглядишь... анатомически, – сухо сказал Боря, когда я сбросила короткое пальто, чтобы оставить его в гардеробе. – Никогда не видел *столько* тебя.

– А ты выглядишь кошмарно, – ответила пафосно, рыдая про себя. – В ресторан все же пришли, а не в общагу к провинциалам.

Боря от удивления не нашелся, что ответить, а его сестра закашлялась.

– Еще и больную сестру с собой привел, молодец.

Друг нахмурился. Роберт тоже.

– Крошка, если у тебя красные дни календаря, то это твои проблемы. Я могу и уйти, вместе с документами, – обиделся Боря.

Я расстроилась и взяла его за руку.

– Помолчи уже, идем.

Столик был забронирован заранее, в отдельной кабине; перегородки тонкие, громкие голоса соседей слышны, но если говорить шепотом, то можно и посекретничать.

Мы прошли внутрь и закрыли дверцу. Черно-бардовый диван дугой вился вокруг столика, на котором в теплом свете зажженной свечи мерцали хрустальные бокалы. Тихая спокойная музыка из фильма «Амели» доносилась из динамика, встроенного в стену.

Боря запоздало фыркнул, так и не ответив на мою грубость, и ободряюще подмигнул сестре, Юле. Та улыбнулась и присела на краешек дивана, напротив Роберта, заправив длинные русые волосы за ухо. У девочки были красивые руки, и вообще она казалась очень милой. Бледноватой, правда, зато глаза сразу ярче стали.

Роберт слишком резко взял меню и раскрыл его, едва не порвав. Он так и не поздоровался с одноклассницей, продолжая ее игнорировать.

Но вот настал момент искаженной истины: официант подошел и поинтересовался, какие напитки принести.

У меня от сожаления во рту пересохло. Очень не хотелось оскорблять человека. Но пришлось набрать побольше воздуха в легкие и выдать заготовленную фразу:

– Замените мне бокал.

Я надеялась, что официант молча выполнит требование, но тот, естественно, поинтересовался, в чем заключается недовольство.

– Нищесброд, вот вы кто, поэтому и отпечатков на бокале не видите. У вас дома, наверное, только глиняные кружки, как в Средневековье.

Официант разволновался, униженный, но выдал улыбку, извинился и молча унес бокал.

Мои щеки налились горячим румянцем. Но я специально заштукатурила их своим лучшим тональником, под которым кожа могла хоть позеленеть, все равно не заметно.

На меня уставились все. Первым заговорил Роберт:

– Не понял. А что случилось? – Голос у него был низкий, глубокий и участливый.

– Ничего, все прекрасно. Только жизнь – дерьмо, и официанты своей работы не знают.

Боря застыл на пару мгновений, потом подвинулся ближе к сестре и с наигранным весельем поинтересовался:

– Юла, ты выбрала, что будешь заказывать?

Меньше всего та походила на юлу. Она сидела неподвижно, будто закованная в невидимые кандалы. Девочка робко кивнула и ткнула пальцем в строчку меню.

– Родители попросили сестру из школы забрать сегодня, у нее до репетиции еще два часа.

Ну вот. Значит, Боря почувствовал себя не в своей тарелке, раз начал оправдываться.

– Чаевых не оставляю, – выпалила я, задыхаясь.

– Ты точно в порядке? – уточнил брат, а я потянулась к сумочке, порылась в ней и воскликнула:

– Кто украл мои деньги?! Ни карточек, ни налички. Боря!

Тот аж подпрыгнул на месте. Его карие, почти черные от гнева глаза под мелированной челкой недобро загорелись.

– Что, Франциска?

– Ты сидел рядом со мной, а потом передвинулся. Ты украл мои деньги!

Боря медленно поднялся, достал из своей сумки документы и бросил их на стол.

– Я сыт. Юла, мы уходим. А ты, Уварова, позвони мне, когда успокоишься. Но разговаривать с тобой я буду только после того, как извинишься.

Мне хотелось плакать. Боря никогда раньше не обращался ко мне по фамилии. Дурной знак.

– Боря, – печально позвала я. – Извиниться смогу не раньше января.

– Вот через месяц и созвонимся. И кстати, сумка у меня – производства «Дола». Отличная сумка, если хочешь знать. Пока.

В носу защипало от слез, и я едва сдержалась, чтобы не остановить друга. Роберт же злым прищуром проводил Юлю. Но спрашивать, какая кошка между ними пробежала, не было сил. Брат поднялся и сказал:

– Знаешь, я тоже домой. Наелся. – И ушел, пнув на прощание диван.

Вечер был испорчен, и я уже собралась открыть папку с результатами анализа ДНК, когда ко мне вдруг заглянул неожиданный гость.

Глава 6

Макс

Я слушал Веру в пол-уха. Вечер тянулся медленно, как и любой другой вечер в обществе моей фиктивной невесты. Она говорила монотонно, сводя все темы к одной: а может, нам все-таки пожениться?

Нет. Ни за что. Мы это обсуждали миллион раз.

Нас связывал исключительно договорной союз, поскольку три года назад семья Веры купила 8% акций «Дола» по баснословной цене, посадив девушку в наш Совет. Тогда компанией все еще управляла моя мать, и «Дол» стоял на грани банкротства. Стресс вогнал маму в предынфарктное состояние, и она фактически продала меня, пообещав покупателям брачный союз. Она понадеялась на мое благоразумие, ведь невеста была из очень богатой, некогда дворянской семьи, как и мы.

Но благоразумным я не был никогда.

В итоге Совет «Дола» пополнился Верой, но надежды и любви не прибавилось. Компания продолжала катиться вниз, а я отказывался жениться. Мне этот договорной союз поперек горла стоял. Да еще Вера упорно пыталась склонить меня к брутальному сексу, чтобы я унижал ее и использовал жестокость, но оказалось, что я та еще неприступная крепость, когда дело касалось БДСМ. Как результат, мы не занимались с ней сексом, не хранили друг другу верность. Не отношения, а мучение.

Вере нравилось.

Я не раз просил ее официально объявить о разрыве помолвки: пускай бы сказала журналистам, что сама меня бросила. Но Веру устраивал статус невесты, она считала, что купила Максима Езерского слишком дорого, чтобы вернуть по гарантии.

«Дол» еле сводил концы с концами, и я стоял в тупике, глядя в стену и безуспешно пытаясь вспомнить, где выход. Продаться-то я продался, а вот как выкупить себя обратно, понятия не имел. За долю Веры сейчас нечем было заплатить. Могло помочь только вливание активов «Константы», но война предстояла неравная: мне не выдержать нового финансового удара. В этом и заключалась загвоздка. Если не найти на Сатану компромат, то битва будет проиграна.

– Знаешь, мне надоело говорить в пустоту, – раздраженно сказала Вера, возвращая меня к реальности. – Десерта ждать не буду.

Она допила залпом вино из бокала, поморщилась, промокнула губы белой тканевой салфеткой и поднялась.

– А я думал, тебе нравится пренебрежение, – усмехнулся я, потирая уставшие глаза. Вместо вина я пил горький шоколад, припорошенный ванильным сахаром, чтобы ударить ядерной смесью по усталости.

– Мне нравятся настоящие мужчины, сильные и властные. И точно не нравится, когда маменькины сынки, вроде тебя, пренебрегают мной ради другой женщины.

В этот момент в соседней кабине до боли знакомый мелодичный голос грубо обвинил соседа по столу в воровстве. Я недоверчиво посмотрел сквозь стену. Серьезно? Бедняжка Фрэнки, святая мученица, орет на собеседника? Или показалось? Ее голос часто мерещился мне в темных переулках.

– Снова о своей Сонечке задумался, да? – вывела меня из задумчивости Вера. Но едкие слова не достигли цели, потому что о Соне я не вспоминал в последние дни.

– Я предлагал: давай расстанемся. Ты попросила сохранить показуху для общества и своей семьи. Так в чем ты меня обвиняешь?

Вера резко отвернулась и ушла, а мне стало интересно, почему у Фрэнки такое паршивое настроение. И снова сомнение: какая же она на самом деле? Ангел, стерва или гибрид? Происходящее за стенкой подтверждало второй вариант, и я улыбнулся. Так и знал.

Любопытное получилось совпадение. Первый день войны с «Константой», а дочка Уварова ужинает там же, где и я. В совпадения я не верил, а значит, Сатана подослал свою приспешницу с некоей целью.

С какой именно, я понял, когда без приглашения присоединился к Фрэнки.

Твою мать! Меня решили соблазнить, чтобы я оступел и продал душу этой синеглазой гарпии. Зря стараются. Меня уже столько раз продавали, что я закалился, как сталь.

...Но дышать стало труднее, факт.

До чего красива, стерва, даже в пошлом наряде. Откровенное золотистое платье с низким декольте почти полностью обнажало ноги, затянутые в черные то ли сапоги, то ли чулки. Яркая обертка для выставления товара напоказ. Только меня давно не привлекали дешевки. Меня привлекали загадки, а Фрэнки казалась мне невероятно интересной. Она меня интриговала. И бесила.

Но со вчерашнего дня все-таки больше интриговала.

Фрэнки

– А я сижу, гадаю. Фрэнки, солнце, ты ли это?

От неожиданности я дрогнула и накрыла папку двумя ладонями, хоть имен внутри и не могло быть.

Я знала, что Егерь собирался ужинать в этом ресторане, но не думала, что его столик – соседний. Он все слышал? Что теперь подумает?!

А какая разница, что он подумает? Стерве наплевать на чужое мнение.

– Максим, добрый вечер. Вы за мной следите?

Езерский долго и с подчеркнутым вниманием разглядывал меня. Он, судя по вскинутым бровям, тоже удивился, как и брат, и Боря.

Неужели девушка не может позволить себе немного разврата без того, чтобы ее осуждали? Что за пуританские взгляды? Впрочем, у Егеря в глазах было не осуждение, а кое-что иное. Интерес?

Снова появился официант, с бокалами и бутылкой шампанского в качестве извинений.

– Она сделает заказ позже, – ответил за меня гость.

Когда официант откланялся, Егерь ухмыльнулся и закрыл тонкую дверь. Поскольку та не была прозрачной, то он мог убить меня, и никто не заметил бы.

– Я собиралась уходить, – строго сказала я, скрывая волнение.

Брат он мне или не брат?

Я глянула на папку, но Езерский как раз отбросил документы на диван. В отличие от вчерашнего дня, сегодня он был при параде, гладко выбритый, даже волосы причесал. Он сел рядом и обвел меня горящим взглядом, медленно, не стесняясь, а потом посмотрел в глаза...

Бух! Это мозг не выдержал стресса, ответив перепадом давления. И снова это необъяснимое притяжение, стоило нашим взглядам соприкоснуться.

На нервной почве я начала подчеркнуто внимательно изучать свои выкрашенные в бардовый цвет ногти.

– Вы только поздороваться зашли?

– Конечно, а заодно помочь тебе. Подумал, вдруг ты хочешь мне что-то рассказать, исповедоваться... Ты же в курсе, что началась последняя битва за кусок мяса? Не поделишься планами своего дорогого папочки?

Он подвинулся ко мне и с подчеркнутым удовольствием намотал на палец длинную прядь моих волос.

Езерский пах ванилью.

– Не понимаю, о чем вы. – Я едва дышала, сдирая лак на ногте большого пальца, но гель сходить не желал.

– Не притворяйся ангелом. Пять минут назад ты была более естественной.

Точно, он ведь слышал, как я хамила всем подряд.

– Уйдите, вы мне мешаете, – произнесла я, не придумав более грубой фразы, и рванулась к папке. Егерь перехватил добычу, открыл и, пролистав имеющиеся несколько страниц, сказал:

– Ого. И кого мы проверяли?

– Никого. Не ваше дело. – Я интуитивно прильнула к врагу, стараясь дотянуться до папки рукой. – Отдайте немедленно.

– Что я получу взамен?

– Я не откушу вам ухо.

– А ты зубастая. – Максим уважительно кивнул, откровенно сдерживая смех: – Ладно. Давай так. Ты меня очень хорошо попросишь, ласково, можно шепотом, а я верну тебе документы.

– Ответ отрицательный. Пускай вас ласково любовницы просят! – Меня даже передернуло от мысли, что со мной флиртовал возможный сводный брат. – Вы видели результаты? Что там сказано?

– А ты еще не читала? Обидно-то как. – С этим он поднялся, обхватил меня за талию и усадил на столик, а затем оперся ладонями по обе стороны от моих бедер; пристально посмотрел мне в глаза и сказал: – Результат теста положительный.

Я онемела, застыла, испытав настолько острое сожаление, будто иголка воткнулась в сердце. Неужели оттого, что он мне сводный брат? Неужели на какой-то момент могло показаться, что Максим Езерский – достойный моего внимания мужчина? Этот живодер, подлец, авантюрист, с которым прямо сейчас почему-то слишком тепло рядом, и одновременно холодно до дрожи.

Максим словно бы невзначай посмотрел на мои губы, и меня окатило душевной волной. Жар спустился от губ ниже, по груди, в низ живота, и я задержала дыхание.

Нет, контракт стервы и все деньги мира не стоили того, чтобы играть с Егерем. Он поглотит если не «Константу», то меня саму к концу месяца, потому что слишком хорош.

То есть... в каком смысле хорош?! Он мне не нравился никогда!.. Он же мой родственник!

– Да пошел ты на АБВ! – возмутилась я. Оттолкнув Максима, спрыгнула со стола, схватила с дивана папку и увидела карандашную надпись, оставленную Борей на полях: «Подопытные кролики не связаны кровными узами, результат отрицательный».

– Ах ты, мерзавец! – рассвирепела я, не столько от вранья Егеря, сколько от возмутительной радости, ударившей в грудь, ведь мы друг другу были чужими. От облегчения даже ноги ослабели. – Мама не учила, что врать нехорошо?!

Я подняла сумочку, которая валялась на полу, и ступила к двери, но Максим поймал за локоть и потянул меня на себя, обнимая второй рукой за талию.

– Прости, солнце, но ты уйдешь только после этого, – тихо сказал он, и его слова проникли под кожу, взбудоражив кровь в венах ванильным ароматом.

Максим наклонился и... поцеловал меня в щеку.

– Рад был увидеться, – произнес он насмешливо. – Иди, готовь новый пикет или провокацию. Только переоденься. Зима на улице, холодно.

Но на этот раз я не смогла сдвинуться с места или вымолвить хоть слово. Максим меня тоже не отпускал, продолжая поглаживать обнаженную спину, и я ощущала каждое его движение так ярко, что покалывало кожу, а грудную клетку разрывало, словно стометровку пробежала только что на максимальной скорости.

Егерь был выше меня, но никогда его рост не казался настолько внушительным, как здесь, в тесной кабине ресторана. Ткань рубашки натягивалась на его крепких мышцах; едва уловимый аромат ванили и горького шоколада дурманил, а в сочетании с теплом сильного тела усыплял бдительность. В прищуренных глазах плескалась привычная уничижительная насмешка, но постепенно она растаяла, уступив место опасному блеску.

Сердце ёкнуло, и я закричала про себя: «Ну почему он?! Из всех мужчин – почему?!?!»

Я пыталась воскресить в памяти образ Иосифа и контракт стервы, чтобы унять острое желание, но ничего не работало. Поцеловать Максима хотелось до безумия.

– Фрэнки...

Как же интимно прозвучало мое имя в его устах. Господи, дай сил развернуться и уйти! Это же всегда было так легко для меня – отказать мужчине.

Я подняла голову, встречаясь со взглядом ищущих серых, почти черных сейчас глаз, и выдохнула:

– Не надо.

Слишком тихо, и Максим не услышал. Он склонил голову и коснулся губами моего обнаженного плеча, согревая кожу горячим дыханием и поднимаясь выше, вдоль шеи, подбородка... Я зажмурилась от удовольствия, наслаждаясь неторопливыми прикосновениями – и потерялась в размытом мире, ощутив вкус горького шоколада.

Максим теснее прижал меня к себе, крепко обняв двумя руками. Он поцеловал по очереди уголки моего рта, прихватил своими губами мою нижнюю губу и медленно обвел ее языком, а потом попросил с хриплым смешком:

– Разожми зубы, я тебя не съем.

Я в этом сомневалась. Съест и отправится за новым десертом. Он же бабник, коллекционер женских «голов». У него, судя по слухам, было целое стадо тёлочек, хорошо хоть клеймо не выжигал.

Но доводы разлетались в прах, сожженные голодным огнем. Я со стоном приоткрыла рот, позволяя Егерю считать меня одной из своих однодневок. Это было как наваждение, совершенно невероятно – и страшно, от того, насколько невероятно.

Максим нетерпеливо протолкнул мне в рот язык, настойчиво лаская, не позволяя вдохнуть, и у меня подогнулись колени. Но потом этот несносный мужчина вдруг с силой обхватил пальцами мой подбородок, и до меня донесся сбивчивый обвиняющий шепот:

– Ты ведь решила совратить меня, невинного ангела, чтобы пробраться в «Дол»? Не выйдет, солнце.

Он жадно провел ладонями по моим плечам вниз, к локтям, стягивая тесемки платья и обнажая неприкрытую грудь; восхищенно замер, а потом словно сдался сам себе и выдохнул:

– А впрочем... черт с тобой, Фрэнки. Позвони, если не передумаешь.

Он достал из нагрудного кармана тонкий красный маркер и написал что-то прямо над моим бешено бьющимся сердцем. Потом Максим нехотя отстранился, и я, смущенная, напуганная, беспомощно наблюдала, как он со злостью распахивает дверцу и уходит. А вернее сказать, сбегает, как от стаи волков.

Что это было только что? Я вспылала страстью к Максиму Езерскому?! А он – ко мне?! И дело не в моем откровенном платье, нет. Дело в странной искре между нами, которая неизменно возникала при соприкосновении вот уже второй день подряд.

Я еще минут пять пыталась унять сердцебиение, ужасаясь, что должна преследовать Егеря до конца контракта.

Катастрофа.

Поправив сползший лиф платья дрожащими руками, я сделала невероятно оскорбительное открытие: Максим оставил мне свой номер телефона, написал красным маркером над гру-

дью. Цифры, а в конце буква «е», обведенная кружочком – «Егерь». Все-таки пометил меня, заклеил.

– Какой кошмар.

Но хотя бы миссия Сатаны проявилась. Все оказалось проще, чем в теории с «братиком» Егерем. Отец действительно собирался завершить многолетнее противостояние с Езерскими по велению Иосифа.

Кто победит – «Константа» или «Дол»? Кто станет наследником? Я не знала. Ничего уже не понимала, кроме того, что нужно было срочно избавиться от вкуса горького шоколада на моих губах.

Я облизала их и прикрыла глаза: м-м, а еще этот привкус ванили.

Кто бы подумал, что Егерь – любитель ванили... И руки такие теплые, заботливые. Разве бывают такие у живодеров? Они должны быть загрубевшими и жестокими, причиняющими боль.

Но боли не было. Только патока в крови и желание снова облизать губы.

Я достала смартфон, сделала снимок своей груди, на которой стыдливо краснел номер телефона Максима, поправила платье и вызвала такси.

Охота началась. Правда, охотиться я совсем не умела, тем более на охотников.

Макс

Я долго сидел в машине и курил. Из динамика раздавались громкая музыка, поддерживая и без того высокий уровень адреналина в крови.

Зачем дал Уваровой свой номер?

Кто бы знал. Дотронулся до нее, и из памяти мгновенно выветрилось, кто она, кто я. Хотелось раздеть ее и почувствовать, взять прямо там, на столе – и смотреть в эти потрясающие синие глаза при этом...

Крыша поехала, ей богу. Я, конечно, эмоциональный с женщинами, но таких проблем с самоконтролем у меня класса с десятого не было.

Теперь будут. Фрэнки обязательно позвонит или снова покажется на горизонте, маяча перед глазами. Она собралась шпионить для отца, и я ее благословил. Наверно, думает, что я уже жить без нее не могу.

Кровь кипела в венах, и сквозь дым сигареты я наблюдал, как Фрэнки выходит из ресторана и садится в такси.

Инстинкт самосохранения кричал, что эту добычу лучше оставить в покое, иначе можно самому попасть в капкан, но азарт охотника – это как наркотик. Я давно не испытывал настолько сокрушающего стремления заполучить женщину. Вернее, настолько сильного не испытывал никогда, даже с Соней.

Меня ломало, выворачивало наизнанку. В эту самую минуту я хотел получить целиком и полностью не «Константу», а эту хитрую, но такую необычную девушку. На день, на месяц – пока не надоест, пока не выгорит едкий удушливый костер там, где должно находиться холодное сердце.

Уваров сам толкнул дочь в эти грязные разборки, так почему бы и мне не воспользоваться случаем? В конце концов, я не святой, чтобы отвергнуть столь ценное подношение, даже если оно сделано Сатаной.

Глава 7

Фрэнки

Задание на среду, 2 декабря:

Пойти на благотворительный прием «Дола» и со сцены сказать, что мероприятие скучное и призвано обобщить добрых людей, а собранные средства пропадут в карманах организаторов, как обычно. Выплеснуть на главного организатора – М.Е. – бокал красного вина прилюдно.

До вечернего приема оставалась еще уйма времени, и я с удовольствием поехала на учебу. Роберта увидеть не получилось: он ушел в школу очень рано, хотя обычно опаздывал. Связана ли его поспешность с присутствием Юли на вчерашнем ужине? Неизвестно. Но позвонить Боре и спросить, делилась ли с ним сестра наблюдениями, я не могла: извиниться перед другом не получится, и выйдет форменное издевательство, а не разговор.

А еще ночной сон о Максиме преследовал откровенными образами. Тоже издевательство. Поспать спокойно уже нельзя!

В растрепанных чувствах я приехала в универ, на проспект Вернадского, запарковав Афелия рядом со спортивной красной тачкой, которая принадлежала моей подруге Свете. Шлем и куртку я оставила в гардеробе, думая о своем и ни с кем не здороваясь.

Первым, кого я встретила, попав в «отсек» своего факультета, оказался Виталий Иванович, преподаватель, заведующий кафедрой и по совместительству тот самый поэт, глава фонда.

Я резко затормозила и скрылась в первой попавшейся комнате, едва не сбив с ног лаборантку; приложила палец ко рту, умоляя молчать. Добрая женщина осуждающе покачала головой, но не выдала.

Виталий Иванович звучным голосом поздоровался с коллегой в коридоре и прошел мимо. Уф-ф. Пронесло. Что ему сказать при встрече, я пока не решила.

– Зачёт прогуляла? – с понимаем спросила лаборантка.

– Если бы... – вспомнив, что нельзя говорить «спасибо», я промямлила: – Холодрыга у вас тут. Бр-р! – Я передернула плечами и открыла в смартфоне фотку с расписанием зачётов, чтобы уточнить аудиторию.

Но сосредоточиться не получалось, потому что мысли возвращались к поцелую Максима. Совесть постепенно проникала в поры и начинала скручивать в узел. Да, я ненавидела Егеря всю жизнь... Но что я о нем знала? Ничего. Его образ был создан отцом и чужим мнением, составлен из обрывочных светских хроник. В этого «картонного» Максима Езерского я искренне верила, такая уж я была – доверчивая.

Но одно дело – ненавидеть «Дол», а другое – помогать отцу в рейдерском захвате. Зачем? Разве смогу я жить, продав и совесть, и достоинство за наследство?

С другой стороны, я делала это не только для себя, но и для Роберта. И все равно, очень тяжело было преодолеть внутренние барьеры и притвориться кем-то другим, пускай даже на месяц.

– Фрэнки, привет. Ты в своем уме?!

Из раздумий меня вывел голос подруги, Светы Селивановой.

– Привет, Светик, я сегодня действительно не в себе, не обращай внимания.

Шмыгнув за стол, я бросила сумку рядом с собой.

В аудиторию вошла преподавательница, и пришлось снизить громкость до шепота.

– Тебе вчера звонила моя тетя Марина, по гранту. Из «Гуттенберга»!

– А-а, да-да. Я ей отказала, прос.. – Я прикусила язык на слове «прости». – Просто тема у нее не подходящая.

– Да какая разница?! Раньше тебя не волновали подобные мелочи. Это же моя тетя! Я ей сказала, что проблем не будет!

Со Светой я дружила еще с одиннадцатого класса. Чего только я ни покупала Свете за последние два года, каких только проектов ни одобрила, когда приходил за помощью ее отец, известный инженер-проектировщик.

– Слушай, Свет, передай тете, пускай обратится в мэрию. Может, тендер у них выиграет.

– Ты... предательница! Вот ты кто! Эгоистка и предательница!

Светка оскорбленно отвернулась, а преподавательница шикнула на нас, напомнив, что начинается промежуточный зачет.

Подруга впервые столкнулась с открытым протестом с моей стороны, поэтому, конечно же, и отреагировала так истерично. Но правда заключалась в том, что проект ее тети был дурацкий и не получит поддержки ни в мэрии, ни в других организациях. Отказывать Свете было страшно неловко. Раньше я начала бы оправдываться и в итоге согласилась помочь в знак примирения, но контракт стервы держал меня в строгих рамках.

И снова я пришла к выводу, что контракт мне необходим, без него меня и правда съедят. Обглодают и скелет в музей палеонтологии выставят. А Максим... он поймет, почему я так поступила. Между нами война, так какие могут быть вопросы? Либо мы – либо нас. Это закон жизни.

«Да, но не закон Фрэнки Уваровой», – протестовала совесть. Она корчилась в муках агонии, и я поняла, что придется забыть о совести на месяц, как и о гордости, и достоинстве...

В общем, забыть о себе.

Прием был организован в отеле «Уайтхолл». Езерские собирали средства для школы приемных родителей. Прекрасный проект, и я была всей своей замученной душой за это дело.

На прием я пришла по приглашению, которое было куплено и прикреплено в контракте. Оделась я более-менее прилично: в короткое синее платье с глухим воротом, без рукавов. Волосы собраны в высокий хвост, на руках браслеты из белого золота. Среди гостей оказалось много знакомых, которые вежливо здоровались. Я им лишь кивала и улыбалась. Если вчера я оскорбила официанта и друга в закрытом пространстве без свидетелей, то сегодня предстояло оклеветать целую корпорацию перед большой аудиторией.

Я славилась вежливостью в общении с людьми, и было обидно марать собственную репутацию. А впрочем, какую репутацию? Безвольной «давалки», которая подписывает все поступающие ей проекты, потому что мозгов не хватает отсортировать мух от котлет?

Среди гостей мелькнуло лицо Бори; наверное, со своей семьей здесь. Я расстроилась. Не хватало, чтобы он увидел шоу, которое собиралась закатить его стервозная подруга! Но выбор был простой: либо делать, либо не делать.

Максим произнес короткую приветственную речь и спустился со сцены. Глубоко вдохнув, я схватила с подноса бокал красного вина и быстро поднялась по ступенькам. Руки вспотели, желудок скрутило в узел. Я окликнула техника, который собирался отключить микрофон, чтобы подождать.

– Добрый вечер, добавлю пару слов как представитель корпорации «Константа», – начала я и увидела, что Максим резко оглянулся и прищурил глаза. Он не бросился к сцене, пытаясь заткнуть вражеской провокаторше рот, а сложил руки на груди и с любопытством вскинул брови. Он был в смокинге с галстуком-бабочкой, с аккуратно зачесанными волосами, и выглядел привлекательным и уверенным в себе. Рядом с ним стояла очень красивая женщина с роскошной гривой рыжих волос. Незнакомка шепнула ему что-то на ухо. Он ухмыльнулся.

От нервного напряжения в глазах потемнело, во рту пересохло, и я отхлебнула вина для храбрости. На меня были устремлены взгляды десятков высокопоставленных гостей.

– Хотела бы поблагодарить господина Езерского, но мероприятие скучное. Да и что ожидать от планового собрания, которое призвано ободрить спонсоров. Ведь всем известно, что пожертвования... кхм-кхм... пропадут в карманах организаторов, к-как всегда. – Я подняла бокал в честь Максима, который гневно двинулся в мою сторону, и воскликнула: – Позор «Долу»!

Езерский быстро вернулся на сцену и, обняв меня за плечи одной рукой, склонился к микрофону:

– Простите за этот цирк. Госпожа Уварова лечится от алкогольной зависимости и не отвечает за свои поступки. С вашего позволения, уведу ее обратно в лечебницу.

Он до боли сжал мою руку выше локтя, а я, отважившись, резким размашистым жестом выплеснула вино в ненавистное лицо.

– Легко списать темные делишки на чужую невменяемость, но правда рано или поздно всплывет! – успела прокричать я до того, как Максим увел меня со сцены силой. Продолжая невозмутимо улыбаться, он утер лицо платком, который достал из кармана.

– Долой «Дол»! – скандировала я, понимая, что обречена.

Максим отмахнулся от помощи охранников и вытащил меня в фойе, а там вдруг подхватил и перебросил через свое плечо, зафиксировав так, что я и дернуться не могла.

– Если хотела со мной встретиться, то надо было просто позвонить, – в бешенстве сказал он, направляясь к номерам. У одной из дверей Максим остановился. Похоже, снял для себя комнату на ночь. С той рыжей красоткой собирался провести время, конечно же... И почему-то так тоскливо стало от этой мысли, что даже обидно.

Максим поставил меня на пол, чтобы разблокировать карточкой дверь, и я, воспользовавшись возможностью, помчалась прочь с криком:

– Помогите! Убивают!

Расплата настигла мгновенно, когда Егерь набросил на меня силки, а точнее, больно обхватил за талию сзади, отрывая от земли. В этот момент из номера в конце коридора выглянул настороженный мужчина в халате и очках.

– Скажи еще слово, и я тебя правда придушу, – процедил Максим, и колючей холодной волной окатило от его тона.

– Отпусти меня!

– Это целых два слова, – упрекнул он. Развернул к себе и нагло поцеловал. У меня дыхание перехватило от неожиданности.

Аромат вина, которым я облила Езерского, ощущался слишком ярко, и я захмелела в мгновение. Я цеплялась за лацканы смокинга, чтобы устоять, и умирала от счастья. Беспричинного, нелогичного счастья. Откуда оно? Что это?

Максим терся своими губами о мои, и наше дыхание смешивалось.

– У тебя звонкий голос, Фрэнки. Но я предпочитаю, когда женщины кричат подо мной. И ненавижу, когда из меня делают дурака. Только попробуй снова привлечь к нам внимание, – тихо предупредил Максим.

Он ласково поцеловал меня в щеку напоследок и, кивнув постояльцу, который наблюдал за ними, поправил черную бабочку у себя на шее. Незнакомец еще пару секунд потоптался, убеждаясь, что никто никого не убивает, и ушел к себе, явно решив, что всего лишь любовники поссорились.

Не теряя больше ни секунды, Езерский увел меня в свой номер и захлопнул ногой дверь.

Мне нужно было бежать, спастись. А я вместо этого впитывала каждый жест Егеря. Я любила носиться на байке по ночным трассам, и мужчина передо мной представлялся мне самой опасной трассой на свете. Поэтому вместо страха я испытывала трепет и желание продолжить борьбу.

– Я не хотела устраивать скандал, – извиняющимся тоном произнесла я.

– Да неужели? – Он сбросил черный пиджак и потянул за галстук-бабочку.

Злость в его глазах поутихла, и я разволновалась, напомнив:

– Вас люди ждут.

– Прием и правда скучный, и мое отсутствие даст гостям приятную возможность перемыть мне кости.

Он расстегнул верхние пуговицы залитой вином белой рубашки, не отрывая от меня темного взгляда.

– Вы...

– Ты. Вчера мы перешли на «ты».

– Ты не можешь удерживать меня здесь.

– Я и не держу, ты сама не уходишь. – Максим вынул запонку из манжеты, а когда я сделала шаг назад, то улыбнулся: – Фрэнки, солнце, сэкономь нам время, не строй из себя недотрогу. Ты пришла сюда, предложила мне себя, я принял.

Его слова прозвучали ужасно оскорбительно. Но правдиво.

Я затаилась, а наглец подошел и осторожно обнял меня, с нажимом огладил спину – и ловко расстегнул длинную молнию на моем платье. У меня речь отнялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.